

ИРА БРИЛЁВА

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СТИРАЛЬНОЙ
МАШИНКИ**

?

Ира Брилёва

**Приключения
стиральной машинки**

«Автор»

2014

Брилёва И.

Приключения стиральной машинки / И. Брилёва — «Автор»,
2014

«Метроном сухо отстукивал ритм. Раз, два, три, четыре, раз два, три, четыре. Голова раскалывалась. Я решила – надо прекращать этот кошмар. Встала из-за рояля и поплелась на кухню – принять таблетку от головной боли. Черт побери! Завтра репетиция, а я совсем расклеилась. Эта проклятая простуда совершенно не дает мне работать! Я работаю музыкантом. Слово «работаю» не совсем подходит для моей профессии. Но я не знаю, как сказать по-другому. Я обожаю музыку. И через месяц у меня важный концерт. У меня много концертов, но этот – особенный – я впервые буду играть со знаменитым оркестром в одном из самых лучших залов. Я мечтала об этом всю жизнь...»

© Брилёва И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ира Брилёва

Приключения стиральной машинки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Метроном сухо отстукивал ритм. Раз, два, три, четыре, раз два, три, четыре. Голова раскалывалась. Я решила – надо прекращать этот кошмар. Встала из-за рояля и поплелась на кухню – принять таблетку от головной боли. Черт побери! Завтра репетиция, а я совсем расклеилась. Эта проклятая простуда совершенно не дает мне работать!

Я работаю музыкантом. Слово «работаю» не совсем подходит для моей профессии. Но я не знаю, как сказать по-другому.

Я обожаю музыку. И через месяц у меня важный концерт. У меня много концертов, но этот – особенный – я впервые буду играть со знаменитым оркестром в одном из самых лучших залов. Я мечтала об этом всю жизнь.

Зажмуриваю глаза и представляю себе, как это будет. Вот я выхожу на сцену, вот сажусь за рояль, вот дирижер взмахивает палочкой, и потом... Потом я ничего не буду помнить – это я точно знаю. Так было уже много раз. Я погружаюсь в музыку, и весь мир просто перестает существовать.

А когда я очнусь, то пойму, что меня разбудили аплодисменты зрителей. Но это все будет через месяц. А теперь я долблю рояль и выхожу из себя от ноющей противной боли, от слабости во всем теле и прочих прелестей поселившегося во мне гриппа.

Я начинаю все сначала. А ведь это Шостакович! Второй концерт для рояля с оркестром. И это вам не шуточки!

Когда я училась в музыкальной школе, я не любила Шостаковича. Он мне казался сухим и заморочным. Позже, в музыкальном училище, я стала понимать, что здесь что-то не так – что-то не так с этими странными нотными текстами, видимо, мне просто надо было до них дозреть. Шостакович – это не детская музыка. Он – как маслины, надо однажды понять их вкус, и потом уже невозможно оторваться.

Так произошло и со мной. Много лет назад, когда я впервые учила Второй концерт Шостаковича наизусть, я проклинала все и вся. «Ну как можно писать такую немелодичную музыку!» – возмущалась я. Но постепенно процесс захватил меня. Я увлеклась и неожиданно влюбилась в эти странные аккорды, октавы и какие-то инопланетные всплески звуков. Они явили мне свою необычную сущность, свою необузданную мощь, я вдруг поняла скрытый в этой музыке смысл. И стала – как и положено любому музыканту – ярой поклонницей великого композитора.

Через полчаса головная боль медленно сошла на нет и стало понятно, что у меня, наконец, получается что-то похожее на Шостаковича. Я обрадовалась, воспрянула духом, и этот прилив детского энтузиазма вылился в виртуозный пассаж. Теперь я была очень довольна собой. Ну, наконец-то! Я встала, сделала несколько энергичных движений, разминая затекшую спину, и снова села за рояль. Тэк-с! Теперь можно и поработать в полную силу.

Но этому не суждено было сбыться. В дверь настойчиво позвонили примерно пять раз подряд. Я чертыхнулась – кого там принесла нелегкая! Мое настроение снова испортилось. Я поплелась к двери и машинально спросила:

– Кто там?

Получив стандартный ответ:

– Слесарь, из ЖЭКА. Плановая проверка счетчиков, – я спокойно открыла дверь и сказала:

– Проходите, пожалуйста. – Больше я ничего сказать не успела.

Сознание медленно возвращалось ко мне. Оно осторожно ощупывало меня своими разумными щупальцами, решая, стоит ли вообще связываться с моим телом. В моей голове звучали какофонические хоры, били громогласные литавры одновременно с барабанами Папуа –

Новой Гвинеи. Я еще некоторое время послушала этот странный оркестр и вдруг поняла, что где-то лежу. Я открыла газа и действительно обнаружила себя лежащей на полу в моей собственной прихожей. Тело слегка затекло от неудобной позы, а еще здесь было абсолютно темно. Значит, на дворе была ночь. А я села к роялю в районе обеда. «Это же сколько я здесь валяюсь!» – удивилась я.

Во рту сохранился сладковатый привкус какой-то химической дряни. Я пошевелила руками, потом ногами – все было на месте. Я попробовала восстановить события. После некоторых усилий мне это удалось – вопреки расхожим советам, я открыла дверь неизвестно кому и получила в лицо дозу чего-то вонючего.

Я еще немножко полежала на полу. Дикие оркестры в моей голове почти умолкли, и голова теперь была как новенькая и не болела ничуть! Да и признаков гриппа я теперь совсем не ощущала. Никакого першения в горле, никакой ломоты в суставах. Видимо, организм, испытав сильный стресс, от неожиданности взял и выздоровел сам, без всякой посторонней помощи. Так бывает – я где-то читала.

Я освоила четвереньки, отдохнула, а потом аккуратно, по стеночке вернулась в свое привычное положение человека прямоходящего. Сейчас я, конечно, держалась не очень прямо, но все же! Голова предательски начала кружиться и, чтобы не рухнуть, я осела на тумбочку. На тумбочке стоял телефон. Примерно с минуту я тупо его разглядывала. Но потом все же сообразила, что с помощью этого нехитрого устройства могу сообщить миру о своих трудностях. Я набрала номер моей лучшей подружки Машки. Через восемь гудков сонный голос в трубке задал резонный вопрос:

– Какого черта! Первый час ночи. Аллё!

– Машка, это я, – сказала я в телефон.

– Кто – я? – Машка была очень недовольна тем, что её разбудили.

– Я – это я, Лена. Проснись, слышишь? – Машка мгновенно проснулась.

– Ленка, что случилось? Ты чего так поздно?

– Машка, я еще не знаю, что случилось, но я на полу в прихожей, а вокруг темно. Приезжай, а?

Машка была настоящий друг. Она больше не стала задавать дурацких вопросов, а просто буркнула: «Лечу» и бросила трубку.

Через четверть часа она уже отпаивала меня горячим чаем, а я, еле ворочая языком – химия, которой меня окатили, оказалась с «догоном», – пыталась рассказать ей, что произошло. Машка, быстро и толково расспросив меня, пошла на экскурсию по квартире – выяснять возможный урон. Она везде повключала свет, но в комнатах все было на своих привычных местах и никаких признаков беспорядка. Обойдя для верности квартиру два раза, Машка села в кухне и задумалась. Она думала минут пять, прихлебывая горячий чай.

– Лен, но он же не мог вот так позвонить к тебе в квартиру, дожидаться, пока ты ему откроешь, брызнуть в тебя какой-то гадостью и убежать?

– Не мог, – согласилась я.

– Значит, ему что-то было нужно? – не унималась Машка.

– Точно, – снова кивнула я ей в ответ, как китайский болванчик.

– Значит, мы плохо искали, – сделала Машка логичный вывод. Она допила чай и снова отправилась на поиски. Через минуту я услышала ее победный вопль: – Нашла! Он тут в ванной все раскурочил.

Я тихонько встала и аккуратно, чтобы случайно не нарушить хрупкий баланс в моем теле, понесла себя в ванную – быстро двигаться я пока не рискнула. Ленка сидела на полу и пыталась заглянуть вовнутрь моей стиральной машинки, вернее, того, что от нее осталось. Машинка была самым нещадным образом раскурочена, разобрана на составляющие ее винтики и шпунтики.

– Ну что, надо вызывать милицию.

– Маш, а может, не надо. Бог с ней, с машинкой. Это же канитель на всю ночь, а у меня завтра репетиция, – взмолилась я. Но Машка была настроена решительно, и мне пришлось уступить.

– Ты что? Налицо материальный ущерб, плюс попытка нападения на хозяйку квартиры.

– Почему попытка, – спросила я, – он же меня вырубил – значит, не попытка, а хуже.

Машка подняла на меня глаза и покачала головой:

– Хуже – это когда с продолжением. А у тебя, слава богу, все на месте. Даже девственность. – Я снова с ней согласилась.

Милиция приехала быстро. Следователь был один, безо всякого сопровождения, злой и невыспанный – видимо, мы подняли его среди ночи. Может это был и не следователь, а опер, я точно не знаю, я в тонкостях этой работы совсем не разбираюсь. Просто я для себя решила его так называть. Для простоты общения. Как выяснилось позже, он против этого совершенно не возражал. По-видимому, он, давно привык к тому, что население безбожно путает все смежно-детективные профессии, и, как правило, слабо разбирается в звездочках на погонах представителей власти. Видимо, поэтому, чтобы не запутывать окончательно несчастных граждан, многие представители закона одевают свои мундиры только по праздникам. А в обычной жизни спокойно обходятся сереньким, в елочку, пиджаком, надетым поверх выдавшей виды водолазки.

Он опросил меня, потом Машку, потом предложил мне подписать протокол. Голос у следователя был совершенно неординарного тембра – густой, красивый бас, как у Шаляпина. Он слегка растягивал слова, и от этого получалось, что он не говорил, а словно бы напевал. Эдакий тихий рокот романтических литавр – очень интересно! Но сейчас, когда ночь перевалила уже за вторую половину, его голос слегка потускнел, видимо, сказывалась усталость.

– Итак, – пропел-пророкотал следователь, – подпишите протокол, и я откланяюсь. Работы и так валом. – Он неожиданно то ли пожаловался, то ли просто констатировал факт.

Но на меня вдруг нашло ослиное упрямство. Как это так! Он потратил на меня не более 30 минут! Это же возмутительная беспардонность! Вот Шерлок Холмс, например, не жалел своего личного времени для раскрытия загадочных происшествий, а тут какие-то полчаса, и все? И здесь я неожиданно решила проявить свои познания в детективном жанре, почерпнутые мной из сериалов и прочей читабельно-бульварной ерунды.

– А где понятые? – невинно глядя в глаза вновь закипающему от злости следователю, спросила я.

– Какие понятые, гражданочка? Вы в своем уме? У вас, что, опознание проходит, или еще что-нибудь аналогичное.

Но я была неумолима.

– Если вы нарушите закон, я буду жаловаться.

Следователь посмотрел на меня долгим ненавидящим взглядом, а потом устало вздохнул. На его лбу крупно читалась надпись: «Вот только вздорных дамочек мне среди ночи и не хватало!». Но по его обреченно поникшим плечам я поняла, что он сдался.

– Хорошо, что вы хотите, чтобы я зафиксировал с помощью понятых?

Я задумалась. Он терпеливо ждал. Этот ночной вызов был для него сущим кошмаром, но он держался молодцом. Машка стояла рядом со мной в воинственной позе, готовая защищать меня до последней капли крови.

– Я могу быть понятой, – вдруг сказала она. Следователь посмотрел на Машку взглядом затравленного зверя.

– Вы – свидетель, – тихо возразил он. – Хотя... – он вяло махнул рукой.

– Но понятых должно быть двое, – настаивала я.

– Где же я вам среди ночи второго возьму, а? – Следователь чуть не плакал. И вдруг произошло чудо. В дверь кухни неожиданно заглянул мужчина. Он с интересом разглядывал нас, а мы пялились на него. В руке у мужчины было пустое мусорное ведро. Мужчина еще с минуту рассматривал нас, а потом сказал:

– Вы меня извините, я тут мусор выносил. А вы так громко ор... разговаривали, вот я случайно и услышал. Еще раз извините. Просто голос знакомый. – И он многозначительно взглянул на следователя. Тот прищурился и вдруг как подскочил, чуть не до потолка.

– Ну, надо же! Олег! Ты как здесь? Сколько лет, сколько зим.

И тут пришла очередь удивляться уже нам с Машкой. Мужчины бросились обниматься-целоваться. Все происходило так, словно на часах было не два часа ночи, а, по крайней мере, два часа дня. И словно бы мы вызвали милицию не для раскрытия таинственного происшествия, а для встречи старых школьных друзей. Когда они вдоволь наобнимались, следователь вдруг стал нормальным человеком. Видимо, эта неожиданная встреча его окончательно разбудила. Он извинился перед нами и объяснил:

– Это мой друг детства. Мы выросли вместе. А потом потерялись. Как-то пути разошлись, и все. А тут такой случай. Ну, надо же! Мистика!

Его «друг детства» поставил мусорное ведро посреди кухни и представился по всей форме:

– Олег. Извиняюсь за столь неожиданное вторжение, но вы действительно так орал на весь подъезд, что я все слышал – у вас двери нараспашку.

– А чего это вы шляетесь по ночам по подъезду с мусорными ведрами, – съехидничала Машка. Олег улыбнулся и очень тихо сказал:

– Вдохновение.

– Чего? – выпучила глаза Машка. – Какое вдохновение?

– Понимаете, я книгу пишу. По ночам хорошо работается. А мусор – это так, между делом, спина затекла – решил размяться. А тут вы с вашими разборками. Но дело даже не в вас, простите. Я бы мимо прошел, но услышал Колькин голос и ушам своим не поверил – у него же голос незабываемый! Мы с ним в школе были друзья «не разлей вода». Мы же не москвичи оба. Мы из Хабаровска. Представляете? Я просто в себя не могу прийти. Все после школы разъехались и потерялись. Это же просто чудо! Вы уж простите меня за вторжение, но я, кажется, могу искупить свою вину. Вам вроде бы понятия были нужны – я готов. Так сказать, чтобы оправдать свое присутствие.

Во время этого монолога следователь сидел в углу на табуретке и тихо давился от хохота. Наконец он не выдержал и захохотал в голос. Мы с Ленкой изумленно уставились на него. Он махал на нас руками и никак не мог успокоиться. Машка налила стакан воды и поставила перед ним. Он судорожно выпил воду и осипшим от смеха голосом, смог выдавить из себя примерно следующее:

– Представьте себе картинку. Вызывает меня среди ночи какая-то полоумная дамочка из-за разобранной стиральной машинки. Потом визжит, что ей нужны понятия, Это бред, конечно, но у нас в отделении как раз проверка идет, и мне только жалоб от населения не хватало! И тут еще среди ночи вваливается мужик с мусорным ведром, и он оказывается моим одноклассником из Хабаровска. Вы только представьте себе эту картинку! – И мы представили. Хохот стоял такой, что если бы нам еще были нужны понятия, мы могли бы их найти в любой квартире – не спал уже весь подъезд. Об этом нам сообщили недовольно хлопающие среди ночи двери.

– Товарищи, может, хотя бы сейчас уже можно дверь в квартиру закрыть? – заметил Олег. – А то еще кто-нибудь на огонек зайдет. И потом, не все по ночам, как я, книжки пишут. Многие просто спят.

Я закрыла входную дверь, и мы сели пить чай. Раз все так удивительно закончилось, то надо было сделать какую-то паузу. Не водку же мне предлагать мужчинам среди ночи! Хотя случай был вполне подходящий – все же встреча школьных друзей. Но, учитывая моё культурно-музыкальное поприще, я все же ограничилась чаем.

Олег оказался интересным собеседником. Он был археологом и работал над монографией о каких-то там африканских древностях – я толком не поняла. Во-первых, потому что дико захотела спать – сказывался перенесенный стресс. А во-вторых, я реально понимала, что на завтрашней, вернее, уже сегодняшней репетиции я серьезно облажаюсь. Мужчины вспоминали свое босоногое детство, и под их восторженные возгласы: «А помнишь, а помнишь...» я стала потихоньку отключаться. Заметив мое состояние, они засобирались. Следователь Коля, теперь уже на правах гостя, заверил меня, что он обязательно займется этим делом, но, по дружбе может прямо сейчас мне сказать – дело тухлое. Какой-то маньяк залез в чужой дом, чтобы разобрать выдавшую виды стиральную машинку.

– Знаете, Лена, у нас таких бесперспективных дел целый мешок каждый день. И все – «глухари». – Коля рокотал своим замечательным неторопливым басом. – Вы меня простите ради бога за грубость, но, сами понимаете – ночь, а тут вызов ваш, и не поехать нельзя, проверки на работе каждый день – извели уже всех. Выезжаем даже туда, где кто-то палец поцарапал – придумали месячник какой-то по повышению производительности труда. – Следовательно озадаченно поскреб затылок. – И дело ваше – очередной стопудовый «висяк». Если бы дежурный мне не сказал, что тут чуть ли не покушение на убийство, ей-богу, не приехал бы, как-нибудь на участкового бы все спихнули. – Николай усмехнулся. – Вы уж простите! У нас это запросто! – Взгляд его стал слегка виноватым. – Нервы у всех на пределе, уже который день толком поспать не могу. Разгребаем, разгребаем, и все никакого проку. А нас начальство шпынует за плохие показатели раскрываемости. Вот я и...

Мне стало стыдно. Человек вкалывает как ломовая лошадь, а я его из-за какой-то ерунды побеспокоила. Я хотела как-то загладить свою вину.

– Да ладно, Коля, я понимаю. Это все Машка – давай милицию вызовем, давай вызовем. Я с самого начала была против. У меня самой завтра важная репетиция с оркестром, а я – никакая. Всю ночь прокувыркались с этой машинкой, чтоб ей пусто было! Это вы меня простите.

Братание милиции с населением продолжалось бы до утра, если бы не разумный голос Олега:

– Девушки, сейчас давайте все поспим – глубокая ночь на дворе. А завтра прямо с утра начнем повышать раскрываемость преступлений в нашем конкретном районе. Я вам обещаю, что Коля лично проконтролирует это дело. Правда, Коля? – Олег съёрничал. Николай аж вскинулся от такой бесцеремонности.

– Ага, умник, ты еще что-нибудь смешнее придумай! Где я тебе этого маньяка искать буду? Какой-нибудь наркоман таблеток наглотался, вот ему и померещилось, что надо где-нибудь стиральную машинку раскурочить. Олег, ну сам подумай, разве нормальный человек в такую ерунду вяжется?

Олег пожал плечами.

– Ты следователь, тебе видней. А ты, кстати, почему один среди ночи заявился? Вроде бы, вы группами ходите – я в кино видел.

– Да у нас работы – завал! – Николай пятерней зачесал волосы назад. – Вся группа на выезде. А я случайно в отделении задержался – писанины – дня не хватает! Криминалистов всех еще до меня расхватили. Но мне он не особо и нужен, у нас каждая собака в курсе, что я сам себе криминалист. – В голосе Коли появились нотки гордости. – Я специально этим предметом занимался одно время, вроде как для себя, а начальство пронюхало, вот и использует меня теперь в хвост и в гриву. Как группа на выезд, они мне: «Людей нет! Обойдешься!» Вот и обхожусь. В принципе, это не запрещено. Наши криминалисты даже приветствуют – им работы

меньше, а бумажки потом писать – то легче, чем на пузе ползать. Я же их с уликами еще никогда не подводил. – Гордости в голосе Коли поприбавилось. – А тут звонок про эту вашу дурацкую машинку. Вот меня и послали. Еще и комиссия у нас работает, мне только жалоб не хватало. И так на нас всех собак вешают! А девушка визжит – подавайте мне понятых! Поэтому я уже был готов сам к ней в понятые пойти, лишь бы она никуда не писала. А то писателей развелось – жуть! Только работы прибавляют. И премии мне не видать, как своих ушей, если кто-нибудь наябедничает. Оно понятно, что всей комиссией будут месяц разбираться, и даже, в конце концов, выяснят истину: «Сигнал не подтвердился». Но для профилактики премию срежут еще до разборок. Доказывай потом, что ты не верблюд!

– Понятно, – просто сказал Олег. – Нелегка жизнь у простого мента. Ладно. Утро вечера мудренее. А пока мы выяснили, что на тебя никто прямо сейчас жаловаться не собирается, езжай к себе, может, еще вздремнуть успеешь. А когда поспишь, глядишь, что-нибудь и прояснится. Ты мне номер свой оставь, чтобы мы снова не потерялись. А я тебе утром перезвоню. – На том и расстались. Следователь собрал со стола свои бумажки, сложил их в синюю папочку и откланялся.

Я уже совсем ничего не соображала и поэтому попросила разрешения пойти к себе в спальню и наконец немного поспать – на часах была половина четвертого утра. А репетиция была назначена на десять. Прикоснувшись головой к подушке, я мгновенно провалилась в сон. Мне снились маньяки, которые группами и по одному нападали на магазин стиральных машинок и, разобрав очередную жертву на составляющие части, они аккуратно складывали их в мешок и приступали к следующим претенденткам. На седьмой машинке я заснула так глубоко и спокойно, что больше ничего не помнила.

Утром меня разбудил запах жареной колбасы. Я обожаю жареную колбасу и могу есть её каждый день. Особенно с яичницей. Я чувствовала себя вполне сносно, и, несканно удивившись этому обстоятельству, сладко потянулась и села на кровати. За окном было пасмурно, но мое настроение было выше любых погодных мелочей. Я нащупала ногами шлепанцы и бодренько потрусилась на кухню. Там неутомимая Машка действительно жарила яичницу с колбасой. У Машки в детстве была кличка «перпетуум мобиле». Это полностью отражает её характер. Откуда в ней столько энергии? Она и сама иногда удивляется.

– А где Олег? – спросила я. Машка недоуменно глянула на меня через плечо.

– Вас, работников культуры, не поймешь. Олег домой пошел, спать. Не ночевать же ему на твоей кухне. Кстати, классный мужик. Мы тут немного кофе попили и поболтали. Он обещал на твою машинку взглянуть. Может, ее еще не только в мешок можно собрать.

– Здорово, – сказала я, – а можно мне немного яишенки, я есть хочу, как лесной зверь. После всех этих ночных переживаний я могу съесть бегемота.

– Бегемот несъедобный, – поучительно сказала Машка, накладывая в тарелку яичницу. – Съедобный слон.

– А фиг с ними, яичница тоже сойдет.

Мы уплетали яичницу за обе щеки. Нет ничего вкуснее на завтрак! Ну, может быть, еще только яичница с помидорами. Потом мы пили кофе со свежими булочками – у нас на углу французская кондитерская, и Машка уже успела туда сгонять. Я ее обожаю – и Машку, и кондитерскую!

Приведя в порядок своё тело и дух, я взглянула на часы. Была половина десятого. Дирижер меня убьет! Уволить он меня не может, потому что афиши уже отпечатаны. А вот «пришить» – запросто. И будет прав. Что я там сегодня наиграю – одному богу известно!

Я поймала такси и, пообещав шоферу двойной тариф, влетела в репетиционный зал без двух минут десять. На ходу снимая плащ и бросая по пути на стулья сумку и зонтик, я плюхнулась за рояль ровно в десять ноль-ноль. Через мгновение в зал вошел дирижер. Это очень

известный человек. Его белоснежная грива мелькает во всех самых лучших и знаменитых залах мира. Он – гений. Рядом с ним я не боюсь этого слова. И с гениями так приятно работать.

– Все на местах, – констатировал он. – Весьма похвально. Ну-тес, приступим, господа. Давайте разомнемся. Со второй цифры, пожалуйста.

Зашуршали партитуры, закрипели пюпитры. По залу пробежался легкий шепот, и вот все замерло в ожидании. Дирижер взмахнул палочкой, и полилась музыка. Я отключилась. Пальцы привычно делали свое дело, порхая по клавишам, извлекая тяжелые аккорды, пересыпая их пассажами. Грандиозные октавы сменялись легким пианиссимо. Я наслаждалась звуками, я парила в них, как в невесомости. И вот все закончилось. Репетиция показалась мне одним коротким мигом, и я даже сожалела, что время пронеслось так быстро. Музыканты складывали ноты в папки, инструменты отправились на отдых в чехлы. Зал понемногу опустел. Я сидела за роялем опустошенная и счастливая. Дирижер тихо подошел ко мне сзади и сказал:

– Вы сегодня были особенно хороши. Видимо, как следует отдохнули и выспались. Спасибо вам за прекрасный звук. Жду вас через два дня на следующей репетиции.

И я поехала домой.

Глава 2

Я была очень довольна собой и всем остальным миром. Решив, что хорошее настроение требует праздника, я заскочила в кондитерскую около нашего дома и купила роскошный торт, весь в цукатах и взбитых сливках. Хотя я терпеть не могу ни того, ни другого. Но торт был красив как кондитерский бог, и я решила, что именно он сегодня будет символизировать мой маленький праздник. Напевая тему из Второго концерта Шостаковича, я скакала через две ступеньки. Когда я доскакала до своей квартиры и подняла глаза, я увидела изумленное лицо моего ночного гостя. Он стоял на площадке между нашими этажами и с интересом взирал на мои невинные детские шалости.

– А что это вы здесь делаете? – задал он вопрос, точь в точь как герой одного из детских фильмов, популярных, когда моя мама была в два раза моложе меня нынешней.

– Праздную, – просто ответила я, доставая ключи из сумки и отпирая дверь.

– А есть что? – спросил Олег.

– Угу, – кивнула я и остановилась в дверях, не зная, что делать дальше: то ли приглашать его в дом, то ли вежливо попрощаться здесь, на лестнице. Но Олег решил эту проблему за меня.

– А я здесь, между прочим, Вас поджидаю, – неожиданно брякнул он. – Понимаете, я вчера вашей подруге пообещал, что не брошу вас в беде – ваша машинка сейчас годится только для сдачи в металлолом. Но я кое-что в этом соображаю. Так что, если не возражаете, я могу взглянуть на нее еще раз. Может, что и высмотрю. – И он с надеждой стал смотреть на меня. Он был похож на собаку, которая рассчитывает получить от хозяйки вкусную косточку. Я молча распахнула дверь и жестом пригласила его следовать за собой. Он теперь шел за мной следом и продолжал быстро говорить, словно боялся, что я передумаю и выпровожу его вон.

– Я вчера услышал, что у вас репетиция начинается в десять и путем нехитрых вычислений определил, что вы, возможно, будете дома в районе позднего обеда. Или, как говорят англичане, файв-о-клока. Вот и выглядывал вас на лестнице. А еще, – он слегка замялся, – больше никто из наших соседей не распевает на весь подъезд Второй концерт Шостаковича. Так что мне оставалось только держать слегка приоткрытой входную дверь моей квартиры. – Его голос был извиняющимся и даже немного заискивающим. Я озадаченно смотрела на него в упор, раздумывая, как мне на все это реагировать и вдруг, неожиданно для себя самой, весело расхохоталась – Олег сейчас был похож на добродушного домашнего пса, который никак не может уловить намерений своего хозяина. У моего гостя видимо камень свалился с души, и Олег расцвел прямо на моих глазах. Он галантно помог мне снять плащ, а я вознаградила его за этот джентльменский поступок домашними тапочками.

– В конце концов, – снимая картонную крышку с торта, я, наконец, приняла окончательное решение, – вы поможете мне отпраздновать мое хорошее настроение, которое образовалось у меня после весьма удачной репетиции. На что я, говоря откровенно, совсем не рассчитывала. Это просто большая удача. А удачу надо отпраздновать. Глядишь, она снова заглянет в наш уютный домик. Верно?

Олег как-то по-другому посмотрел на меня и покачал головой:

– Вы загадочный человек. Я думал у вас, по меньшей мере, день рождения, – он показал на торт. – Таковую клумбу или кому-то дарят, или едят сами по самым торжественным поводам.

– Бросьте! Торжественный повод мы должны придумывать сами. Я назначаю сегодняшний день самым наиторжественнейшим поводом. И приглашаю на праздник моих самых лучших друзей. Вот вас, например.

– Значит, вы на сегодня назначаете меня своим близким другом? – поинтересовался Олег.

– Да. А вы против?

– Нет, нет. Я очень даже «за». Более того, скажу вам честно, я искал повод побывать у вас еще раз. – Его глаза хитро сощурились, но это была хитрость ребенка, который выпил половину бутылки сидра и долил в бутылку воды из-под крана, чтобы скрыть свою проделку от мамы. – Но вы не подумайте, – спохватился он, – насчет машинки я абсолютно серьезно. Я действительно хочу помочь вам, ведь я заметил, прошу прощения за некоторую назойливость, что этим здесь заниматься некому? – с надеждой спросил он.

– Вы правы, – я понимала, куда он клонит, но у меня действительно не было никого, кто мог бы мне помочь со стиральной машинкой. И не только это. Олег был интересным человеком, я ему явно нравилась, и я вдруг подумала: «Почему бы и нет?». Ведь все люди когда-то были не знакомы друг с другом. А потом взяли и познакомились. При самых разных обстоятельствах.

Я проводила Олега в ванную и оставила его созерцать останки моей машинки, а сама пошла на кухню варить кофе. Через минуту он нарисовался в дверях кухни.

– Там ничего страшного, но голыми руками я ничего не смогу сделать. Вы не возражаете, если я ненадолго отлучусь – надо взять кое-какие инструменты. Думаю, у вас в доме с пассатижами не все в порядке?

– С чем у меня не в порядке? – переспросила я, но Олег уже испарился. Я вернулась к варке кофе.

Через пять минут он уже гремел в моей ванной какими-то железяками. Периодически хлопала входная дверь, на лестничной клетке раздавался странный стук и грохот, а в ванной на время прекращался скрежет и лягание. Но вскоре все продолжалось в прежнем ритме.

Через час, когда я допивала уже пятую чашку кофе, грохот, наконец, смолк окончательно. Олег появился передо мной, весь в пятнах от машинного масла и светящийся от гордости. Мужчины вообще любят светиться от гордости, если им удастся сделать для женщины что-нибудь сложнее, чем варка яиц вкрутую. Но таковы они все без исключения, и поэтому я давно смирилась с этим.

– Принимайте работу, – сказал он просто так, словно попросил передать ему соль во время обеда. Я прошла в ванную и обомлела. Там стояла совершенно незнакомая мне машинка.

– Это что? – спросила я, показывая пальцем на незнакомку.

– Это – ваша новая машинка, – пояснил Олег. – Понимаете, Лена, прежняя ваша машинка оказалась сломана с особой жестокостью. Действительно, какой-то маньяк попался, – разочарованно качая головой, сказал Олег. – Он как настоящий варвар разломал на мелкие кусочки все внутренности той машинки. И я уже ничем не мог ей помочь. Но ведь у любой проблемы обязательно есть решение – я принес вам свою.

Я замахала на него руками:

– Вы с ума сошли! Зачем эти жертвы? Ну и бог с ней, новую куплю.

Но Олег был неумолим.

– Нет. Хотя бы на время вам необходима действующая машинка. Женщине она намного нужней, чем мужчине. А я, в крайнем случае, могу и у вас белье постирать. – И он снова посмотрел на меня глазами доброго сенбернара. Ах, эта неуклюжая мужская бесхитрость! Я все поняла, но, в свете моей симпатии к новому знакомому, упираться больше не стала. Я опять взглянула на мою новую стиральную машинку.

– Господи, как же вы ее дотащили? – удивилась я. – Она же тяжеленная!

– Пустяки! Самым сложным было взгромоздить ее на тачку. А потом уже по ступенечкам, аккуратноненько. Оп-ля – и готово!

Придя, наконец, к консенсусу, мы пошли на кухню допивать кофе. Олег проголодался, и я накормила его борщом. Торт был великолепен. Праздничный обед плавно перетек в праздничный ужин, и только около восьми вечера Олег откланялся, а я, чувствуя приятную уста-

лость, растянулась на диване перед телевизором. Через легкую дремоту до меня донесся телефонный звонок. Я нехотя сползла с дивана и дотянулась до телефонной трубки.

– Алло, – сонно сказала я, пребывая в приятной полудреме.

– Леночка, это вы? – незнакомый голос вывел меня из сна.

– Да. А это кто?

– Это тетя Нина, соседка вашей мамы по даче. Леночка, приезжайте скорее, вашей маме плохо. У нее на даче кто-то стиральную машинку украл. Наверное, бомжи. Больше, вроде бы, ничего не пропало. Но маму сильно напугали – она спала, а тут такое. Приезжайте, пожалуйста.

Я отшвырнула телефон в угол дивана и мгновенно собралась. В таких случаях мозги у меня работают как у робота. Так, сумка, белье, зубная щетка, валидол, деньги, паспорт. Так, что еще. Ага, Машка! Я снова схватила телефон и дрожащими пальцами стала тыкать в кнопки. Я все время промахивалась и мне пришлось взять себя в руки. С третьей попытки я попала к Машке.

– Алле, ты? Это я, Лена. Слушай, у мамы на даче кто-то спёр стиральную машинку. Звони следователю и дуй к нам на дачу. Все, жду. – Я знала, что Машке два раза повторять не надо.

Мы с Машкой ворвались на дачу практически одновременно. Я бросила на пол плащ и сумки и на цыпочках прошмыгнула в мамину спальню. Мама спала. Я облегченно вздохнула, плотнее подоткнула под нее одеяло и так же на цыпочках вышла из спальни. Машка уже шуршала на кухне. На плите стоял чайник, а на тарелке с огромной скоростью размножились бутерброды с маслом и вареньем. Я одобрительно кивнула Машке и пошла в сторону соседской дачи. В окнах горел свет – значит, еще не спят, поэтому я смело постучала и открыла дверь. Тетя Нина – наша соседка по даче. Мы с мамой и их семья поселились здесь почти в одно время. Мне тогда было лет восемь, а их дочке Люське – тринадцать. И Люська называла меня «мелкотой», бегала на танцы в соседнюю деревню и категорически отказывалась общаться со мной по причине огромной разницы в возрасте. Это сейчас я понимаю, что пять лет – это пыль для Вселенной. А тогда пять лет стояли между нами как Берлинская стена. Позже, когда мне стукнуло шестнадцать, а Люська уже заканчивала институт, мы все же подружились. Сейчас она живет в Америке, а тетя Нина каждое утро ходит к моей маме пить чай.

Моя мама тоже практически постоянно живет на даче. Как она говорит – в таком возрасте свежий воздух и размеренный труд могут продлить человеческое существование. Трудом она называет ежедневную возню в огороде. Я не возражаю – раз человеку это нравится, то пусть себе радуется жизни. Я часто навещаю маму на даче. Так часто, как позволяют репетиции и концерты.

Тетя Нина ждала меня, сидя в плетеном кресле-качалке с неизменным вязаным носком в руках. Сколько я ее помню, она всегда что-нибудь вяжет. Носков у нее несметное количество – она их дарит. И нам в том числе.

– Наконец-то! Леночка, такой ужас. Мама уже легла спать, как вдруг кто-то забрался в дом и стал шарить в ванной. Она зажгла свет, но было уже поздно. Грабитель украл из ванной стиральную машинку и был таков.

– Но зачем? – невольно вырвалось у меня. – Зачем ему старая стиральная машинка? Её столько раз ремонтировали, что я и со счета сбилась. Мы ее купили лет десять назад взамен прежней. А прежняя валяется где-то в сарае. – Я ничего не могла понять. – Видите ли, тетя Нина, со мной вчера тоже произошел странный случай. Ко мне в дом забрался какой-то маньяк и раскурочил мою машинку. Она, конечно, была не новая, но все же еще в хорошем состоянии. А теперь вот это. Ума не приложу, что ему нужно!

Тетя Нина, услышав мою историю, всплеснула руками.

– Господи, твоя сила! Это зачем же людям такие чудеса?

Но вопрос был риторическим. Я предложила соседке пойти к нам – Машка там наверняка уже чай по чашкам разливает. Тетя Нина согласилась, и мы полуночной кавалькадой пошли к

нам в дом. Вокруг пели кузнечики и цикады. А может, не цикады, а какие-то ночные птицы – я не сильна в биологии. Но стояла чудесная летняя ночь.

Машка и вправду уже налила чай в чашки и нетерпеливо высматривала меня в окно.

– Остывает уже. Где ты ходишь! – страшным шепотом зашипела она, но, увидев, что я не одна, сменила гнев на милость.

Наливая чай в третью чашку, Машка сообщила нам, что следователь Коля только что отзвонился – он уже где-то неподалеку, и звонил просто, чтобы свериться с маршрутом. Бедный Коля! Вторая всенощная за сутки по нашей милости – это перебор. Но, что поделать, кто-то же должен ловить маньяков, интересующихся стиральными машинками.

Мы тихонько беседовали, запивая чаем шикарные Машкины бутерброды – у меня от нервов всегда наступает жор, я могу съесть что угодно, – когда в дверь тихонько постучали, и на пороге появился Коля. Он уже не орал на меня, как вчера, а деловито разложил на столе бумагу и карандаши. Шутка ли, две стиральных машинки за одни сутки! Этот случай уже нельзя было списать на недобитого наркомана, и Коля был собран и серьезен. Сначала он опросил тетю Нину, как наиболее осведомленного свидетеля. Мама по-прежнему спала, и будить ее мы не стали. Пусть человек поспит – в таком возрасте стресс – вещь опасная и непредсказуемая, и никакая стиральная машинка не стоит мамино мизинца. Записав наши предварительные домыслы, Коля заглянул в ванную – на место преступления, а потом с удовольствием приступил к позднему ужину. Тетя Нина сгоняла к себе с резвостью, которой я от нее не ожидала, и принесла пирожков и холодец. К ней накануне приезжала племянница с детьми, вот и осталось кое-что от этого пира. Коля хрустел редиской и луком, заедая все это великолепие холодцом, а мы с Машкой сидели рядом, подперев головы руками, и ждали, пока мужчина насытится и похорошеет. Хотя, куда уж дальше, Николай и так был с нами мил и обходителен. Вот что делает с незнакомыми мужчинами встреча со старым другом на чьей-то кухне!

Видимо, мы слишком громко гремели посудой или просто мама выпалась, но она вдруг вошла в кухню, и мы от неожиданности повскакивали со своих мест.

– А, вот кто тут у меня хозяйничает, – ласково сказала моя мамочка, подходя к нам и по очереди целуя нас с Машкой в лоб. – А я проснулась и слушаю – вроде бы кто-то в доме есть. Вот, решила проверить, не вернулся ли тот тип еще за чем-нибудь. А это, слава богу, вы. Да у вас тут пир горой, – воскликнула мама, заметив на столе холодец и пирожки. – У меня же в холодильнике и рыба жареная, и лечо.

Мама проворно достала из холодильника блюдо с рыбой и еще пять-шесть банок и баночек.

– Мамусик, ночь на дворе, – жалобно взмолилась я, – а как же фигура!

– Ничего страшного, один раз можно. И фигуры ваши за один раз не пострадают. И мужчина вот у вас одним холодцом сыт не будет.

– Это, мама, не мужчина, это следователь, – уточнила я.

– Это как же не мужчина? – мама укоризненно посмотрела в мою сторону, и я поняла, что брякнула глупость.

– Ой, Коля, простите, бога ради, я не то имела в виду. – Пунцовый как рак, следователь Коля дожевывал пирожок и запивал его чаем, не глядя на меня. Я подошла к нему и звонко чмокнула его в щеку. – Мама, этот человек вчера помог нам. Я не стала тебе рассказывать, но у меня какой-то отморозок тоже раскурочил машинку. Понимаешь, одна машинка – это ерунда. А вот две машинки – это уже кое-то. Я имею в виду – для следателя. Ты бы видела его лицо вчера, когда мы с Машей вызвали милицию в час ночи.

Мама с интересом разглядывала нашу «милицию». Наконец, она задала предсказуемый вопрос:

– А почему же ваша милиция в гордом одиночестве?

Здесь уже не выдержал Коля.

– Почему вы говорите обо мне в третьем лице? Можете задавать вопросы мне лично, я с удовольствием на них отвечу. – Он, наконец, дожевал пирожок и с интересом разглядывал нашу компанию. В его глазах плясали чертики – народная примета сработала как часы – сытый мужчина добрый и отзывчивый. Я взяла инициативу в свои руки.

– Коля, познакомьтесь, это моя мама, Татьяна Петровна. Мама, познакомься, это Коля. И это не просто милиция. Это теперь наша собственная милиция. – И я рассказала о вчерашних событиях. Машка кивала в конце каждой моей фразы, как китайский болванчик, молча одобряя мой рассказ. – Так что сегодня Маша просто позвонила Коле безо всяких церемоний и проволочек. И он так же без церемоний примчался к нам, потому что ему это интересно. Это же теперь почти как настоящий детектив! Просто находка для Шерлока Холмса. А формальности можно оставить на потом. Правда, Коля?

– Не совсем. Я вас уже опросил, а вот вашу маму еще нет. Но вы правы. Теперь это дело перестает быть тривиальным – две машинки – это уже не наркоманы, и не бомжи. За этим что-то стоит и, если вы не возражаете, я спрошу вас, как было дело. – Коля отодвинул от себя чашку и тарелку с крошками от пирожков и достал из папки чистый лист бумаги. Мама коротко и подробно рассказала все, что успела запомнить, а Коля тщательно записал ее рассказ и задумался.

– Вы говорите, что грабитель вытащил машинку из ванной и унес с собой. Но ведь машинка – вещь довольно увесистая. Может, у него был сообщник?

– Вы знаете, – мама потерла лоб рукой, – мне так не показалось. Если бы у него был сообщник, они бы разговаривали или еще что-нибудь такое, ну, как вам сказать, производили больше шума, что ли. А тут такое впечатление, что человек был один. Да, я думаю, он был один. А насчет машинки могу сказать, что не такая уж она у меня и увесистая. Это современные машинки с места не сдвинешь. А старые – они совсем другие. Вы просто не знаете, вернее, не помните. Вы молодой еще человек. – И мама застенчиво улыбнулась. – И, потом, чтобы машинку на тачку погрузить, напарник не нужен, тут и в одиночку можно справиться.

– Это точно, – подтвердила я. – Вот Олег так вчера и поступил. – Я убедительно кивала головой. Коля удивленно вскинул брови, но вслух ничего не сказал. Он все тщательно записал и посмотрел на нас всех одним долгим взглядом.

– Дорогие мои женщины, у вас есть что-нибудь еще, что бы вы хотели добавить к этому рассказу? – И Коля еще раз обвел нас таким же долгим пристальным взглядом. Но мы, как ни старались, так и не смогли добавить что-либо существенное к уже вышесказанному. Может быть, потому, что на дворе опять стояла глухая ночь, и все изрядно устали. А утро и вправду вечера мудренее. – Так, хорошо. Лена, давайте тогда договоримся вот о чем. Завтра я приду к вам и осмотрю все еще раз, уже более тщательно. Ну, чего скрывать, когда я вчера услышал о вашей машинке, я, конечно, все там осмотрел. Но, сами понимаете, ничего особо тщательно в такой ситуации никто проверять не будет. Но сегодняшнее происшествие несколько меняет дело. Я думаю, что завтра я осмотрю вашу квартиру заново. А также мне снова придется приехать сюда, к вам на дачу. Отпечатки я где смогу, сниму, но хотелось бы побродить по окрестностям. – И Коля посмотрел на мою маму.

– Конечно, конечно. Как вам удобно, так и поступайте, – засуетилась моя мамуся со свойственной пожилым людям предупредительностью.

– Просто сегодня здесь все равно ничего не видно, – словно извиняясь, сказал Коля. – Ванную-то я осмотрел, но вот есть у меня кое-какие мысли. Не потащит же он вашу машинку к себе домой, ведь он наверняка не местный. Значит, бросит где-нибудь неподалеку, в лесу. А там и следов побольше должно быть, да и вообще, сдается мне, что копать здесь надо намного глубже, чем мне казалось изначально. М-да. – И Коля на минуту задумался. Мы сидели тихо, как мыши. Думающий мужчина – это почти такое же священнодействие, как мужчина жующий. И поэтому этот процесс никогда нельзя прерывать глупыми женскими замечаниями. Это

я тоже знаю из личного опыта. Наконец, Коля вышел из глубокой задумчивости, и я сочла возможным спросить его, не хочет ли он остаться здесь на ночь. – Нет. Леночка, спасибо вам, но у меня еще куча дел. Мне нужно в город. Я завтра позвоню. – И Коля откланялся.

Какая такая куча дел глубокой ночью? Но их, этих мужчин, не поймешь. То их ночью не добудишься, то у них куча дел. Работа такая!

Когда Колины шаги затихли за порогом, моя мама вопросительно взглянула на меня и спросила: «Леночка, а кто такой Олег?»

– Мамусик, Олег – это наш сосед по дому. Он там уже тысячу лет живет, но познакомились мы только прошлой ночью. – Мой ответ прозвучал несколько двусмысленно, но мама на стала задавать уточняющих вопросов – она была очень деликатным человеком. А мне уже было больше восемнадцати лет, и я имела полное право знакомиться с мужчинами в любое время суток.

Наутро мы с Машкой выдохлись, как младенцы. Я замечательно сплю на свежем воздухе, а этого добра у моей мамульки – хоть отбавляй. В городе зачастую меня и в полдень не добудишься, если в этот день у меня нет репетиции – полночи я могу слоняться по квартире от бессонницы, или часов до трех утра пялиться в телевизор. Зато на следующий день просыпаешься после обеда с синими кругами под глазами. Жуть!

В деревне же совсем другое дело. В семь утра ты уже на ногах, и чувствуешь себя так, словно тебе лет двенадцать, не больше.

Мама уже успела соорудить для нас гору блинов и сходить к соседке бабе Даше за козьим молоком. У бабы Даши замечательные козы, я знакома с ними с самого моего детства. Правда, тогда козы вели себя не самым лучшим образом и в основном нещадно меня бодали. Но это не мешало мне любить их молоко больше, чем какое-либо другое.

Мы сидели на террасе и наслаждались прекрасным летним утром. У Машки очень кстати был выходной день, и мы решили не торопиться с возвращением в город. После завтрака мы сходили к речке, посидели около воды, наблюдая, как вода крутит мельничное колесо – у нас в дачном поселке завелся свой Дон Кихот и построил здесь небольшую мельницу. Теперь она стала местной достопримечательностью. Потом мы помогли маме в огороде. На обед мама быстренько приготовила нам фаршированный перец, и тетя Нина принесла очередную порцию пирожков – они у нее не выводятся из дома, как и вязаные носки. Пирожки – это ее фирменное блюдо и она их тоже всем раздает.

Когда солнце достигло зенита, я вспомнила, что через день на меня неминуемо надвигается новая репетиция, и мы с Машкой засобирались в обратный путь. Начало дня прошло замечательно, и когда такси увозило нас в сторону города, я искренне жалела, что такие деньки выпадают в моей жизни непростительно редко.

– Эх, Машка, скучно живем, концерты, командировки, а вся жизнь мимо проходит.

Машка смотрела на меня, выпучив от удивления глаза.

– Лен, что с тобой, ты на солнышке перегрелась?

Я только рукой махнула.

– Тебе не понять. Музыка – вещь замечательная. Но я привязана к ней, как Тузик к будке. А хочется играть просто так, для души. Не тогда, когда надо, и не для заработка, а так просто, когда захочется.

Машка задумалась.

– Так поменяй профессию, – резонно заключила она.

– А я больше ничего делать не умею. Мне больше ничего не нравится.

– А-а-а, – снова задумалась Машка. – Ну, тогда я не знаю.

Мы замолчали и так ехали еще минут двадцать. Машка пребывала в глубокой задумчивости. Она периодически глубоко вздыхала, смотрела на меня грустным взглядом, и снова

погружалась в задумчивость. Наконец, не выдержав её вселенской грусти, я потрепала ее по щеке и сказала:

– Ладно, не заморачивайся. Это все минутная слабость. Музыка я обожаю, и работу свою люблю. Она меня тоже любит и кормит. А от добра добра не ищут. – И Машка снова повеселела. Так мы доехали до города, и я вышла около своего дома, помахав Машке на прощание рукой.

На лестничной площадке меня снова ждал Олег. Лицо его было встревоженным.

– Я на всякий случай дверь у себя в квартире приоткрыл, чтобы слышно было, когда вы вернетесь, – видимо, в моем взгляде читался вопрос. – Но это сейчас не важно. Важно то, что мне Николай позвонил и все рассказал. Значит, это не просто маньяк, а что-то другое. – Олег взял у меня из рук сумки, пока я открывала дверь. Мне понравилась озабоченность в его голосе, и я пригласила его на чашку кофе. Мы допивали уже по второй чашке, когда раздался телефонный звонок. В трубке я услышала испуганный голос Машки:

– Лен, а у меня тоже машинку раскурочили. Пока меня дома не было, – зачем-то уточнила Машка.

– Какую машинку, – я не сразу поняла, о чем идет речь.

– Стиральную, конечно, какую же еще, – упавший голос Машки был непривычно тихим. Я уронила телефонную трубку, и, видимо, в моем взгляде было что-то страшное. Олег изменился в лице и встревожено спросил:

– Что случилось? Что с вами?

– У Машки тоже машинку... – я не успела закончить фразу, а Олег уже натягивал на меня плащ, одновременно хватая мою сумку.

– Я сейчас, только ключи от машины возьму, – быстро сказал он и поскакал через три ступеньки к себе наверх.

– Маш, ты там жива? – Спросила я, поднося телефонную трубку к уху.

– Угу, – сказала Машка не своим голосом.

– Ты держись, мы уже едем. Я сама Коле позвоню. – Олег уже несся на всех парах вниз по лестнице. Я захлопнула дверь и догнала его только на первом этаже.

– Слава богу, сейчас пробок почти нет. Доедем в два счета. Командуй!

Когда мы успели перейти на «ты» я так и не поняла.

Глава 3

Яркий солнечный луч медленно скользил по старинному гобелену. На гобелене были изображены пастушка в кружевном чепчике и несколько овечек, которые паслись на зеленом лугу. Когда луч задевал лицо пастушки, казалось, что она оживает и начинает жеманно подмигивать и строить глазки пастушку, который выглядывал из-за дерева, росшего на краю зеленой полянки.

Маленький мальчик, натянув до подбородка расшитый розовым шелком пододеяльник, внимательно следил глазами за солнечным лучом. Ему казалось, что и этот луч, и оживший гобелен играют с ним в какую-то новую, непонятную пока игру. Но мальчик был очень разумным. Он понимал, что дети еще не так много знают об этом большом мире, и спокойно ждал, пока станет взрослым.

Гобелен висел на стене над кроватью мальчика, и малыш так привык к нему, что даже иногда шепотом разговаривал с пастушкой, доверяя ему свои самые важные секреты. Пастушок всегда внимательно слушал все, что ему рассказывали, и никому потом эти секреты не выдавал. Видимо, он был надежным и молчаливым другом, и мальчику это очень нравилось.

Малыш часто просыпался по утрам оттого, что хитрый луч щекотал его нос или щеки, а потом обязательно перебирался на гобелен и будил пастушка и пастушку. И эта игра продолжалась до тех пор, пока в спальню не входила нянюшка и певучим голосом не произносила традиционную фразу:

– А кто у нас в кровати спит? А кто у нас встать не торопится? Артемка, барин наш сахарный. Вставайте, господин, просыпайтесь. Матушка будить изволит, хочет поцеловать вас с утра. – И тогда мальчик делал вид, что только проснулся и мысленно посылал солнечному лучу воздушный поцелуй и пожелание доброго утра.

Мальчику было пять лет от роду, но он отличался кротким нравом и учтивостью, которая свойственна хорошо воспитанным людям. Он садился на кровати, желал нянюшке доброго дня и та, продолжая причитать и напевать одновременно, одевала его, умывала и расчесывала. После этого Артемка шел завтракать. В столовой за большим овальным столом уже сидела вся семья. Барыня, Катерина Егоровна, урожденная княгиня Ольховская. Её муж, Кузьма Иосифович, потомственный дворянин, старейшина древнего русского рода Астафьевых и их дети, старшая дочь Ольга, средняя Мария и он, Артемка, любимец семьи и наследник знатной фамилии. Артемка подходил ко всем по-очереди и звонко чмокал в щеку, умиляя своей непосредственностью все семейство. Потом лакей подсаживал его на массивный высокий стул с прямой деревянной спинкой, и семья приступала к трапезе. После завтрака Кузьма Иосифович пересаживался к пылающему камину, – в Северной Пальмире даже в самое жаркое время года тянуло сквозняками изо всех углов, – раскуривал трубочку и просил принести ему чашечку кофею. Катерина Егоровна собственноручно варила мужу кофе, и эта традиция никогда не нарушалась. Барин пускал густые синие кольца дыма и внимательно изучал свежие газеты. Катерина Егоровна садилась рядом с ним с пальцами и вышивала. Высокие французские окна были открыты в сад, и оттуда доносилось пение птиц и журчание ручья. Нега и покой царили во всем мире.

Дети обычно шли играть на луг. Их сопровождал дядька Никита и бессменная нянюшка. Девочки бросали воланы – они очень любили эту игру, а Артемка садился неподалеку и смотрел на них. Постепенно его внимание переключалось на бегущие по небу облака или журчание ручья, убегающего за дальний лес, и тогда он погружался в мечтательную дремоту. Перед его мысленным взором проплывали неведомые страны и звери – нянюшка по вечерам читала ему книжки, которые папенька милостиво разрешил брать из библиотеки. Артемка открывал для себя все новые и новые миры, которые, оказывается, жили где-то далеко-далеко от их дома.

Но до них можно было доплыть на белоснежных кораблях или доехать на карете, запряженной шестеркой лошадей. Он мечтал, что, когда вырастет, то обязательно побывает там, в этих неведомых странах, и даже там, где еще никто до него не бывал.

А пока он сидел на сочной траве летнего луга и мечтал, глядя, как сестры хохочут, убегая от дядьки Никиты, который подговорил их поиграть в салочки. И эти нехитрые занятия все длились и длились, целые дни растворялись в этом сладком безвременьи, и Артемка был счастлив.

Потом наступало время обеда. Кузьма Иосифович занимал кресло во главе стола, и, откусав наваристых суточных щей, обменивался свежими новостями с женой.

– Друг мой, Катенька, ты не представляешь, как измельчал ныне поэт. С тех пор как не стало нашего российского светила, ничего даже близко похожего на то, что было ранее, я не нахожу ни в одном альманахе. Да-а, жаль, жаль Пушкина. Как он умел стихотворствовать, э-эх! Так иногда изловчится – просто дух захватывает! Невосполнимая потеря для России. Не будет теперь у России такого Пушкина еще очень долго – попомните мои слова.

Высказав такую тираду, барин приступал к жаркому. Насытившись и выкурив еще трубочку табаку, он шел в спальню – немного вздремнуть. Лето, жарко.

И такая нега длилась и длилась уже целыми поколениями еще задолго до них, этих милых людей. И не менялось ничего в укладе семьи. Рождались дети, умирали старики, а эта нега все длилась и длилась. И, казалось, что это будет длиться еще целую вечность. Известно ведь, что всегда и всему приходит конец. Но до этого дня еще было в запасе какое-то время.

Прошло три года. Артемка научился читать и теперь при каждом удобном случае убегал в отцовскую библиотеку и просиживал там часами, погруженный в мир атласов и географических карт. Он открывал для себя не только новые страны и континенты, а еще и науки. Однажды за обедом Артемка спросил у Кузьмы Иосифовича, кто такой Платон. Кузьма Иосифович, неторопливо промокнув губы белоснежной салфеткой, отложил в сторону вилку и с удивлением спросил мальчика:

– Душа моя, Платоном кличут нашего конюха. А есть еще Клим. А почто тебе они?

Артемка с сомнением нахмурил лоб и уточнил:

– Батюшка, Платон никак не может быть конюхом. Про наших конюхов я в книжках ничего не видел.

Все сидевшие за столом расхохотались, а Кузьма Иосифович даже смахнул слезу умиления:

– Бог мой, так ты вот о чем толкуешь! Неужели тебе теперь уже интересна жизнь римских цезарей и греческих философов? – Артемка вежливо кивнул, и в глазах его родителей вдруг появилось какое-то новое выражение, оно сильно напоминало глубокое уважение, которое обычно испытывает взрослый человек к другому взрослому, если тот проявляет признаки недюжинного ума и сообразительности.

Итак, судьба Артема была предрешена: через совсем небольшое время он вполне осознанно и страстно захотел стать ученым, путешественником и первооткрывателем. Отец не стал препятствовать наклонностям сына и определил его в учебное заведение, где мальчику привили прилежание в изучении наук и насытили его жажду знаний. Страсть всей его жизни – география – была им изучена со всей тщательностью и усердием, какие могли быть у молодого человека, полагающего посвятить свою жизнь расширению границ своего Отечества. Он закончил учебу с большой золотой медалью, и семья гордилась его успехами. Маленький Артемка теперь исчез, а на свет появился Артемий Кузьмич, молодой ученый, жаждущий поскорее отправиться в свое первое кругосветное плавание. И этому суждено было случиться.

Русское географическое общество как раз снаряжало очередную экспедицию к дальним неизведанным берегам. Экспедиции в ту пору были частым явлением. И снаряжались они на

деньги не только государства, но также на средства благотворителей, людей благородных и щедрых, понимавших важность эпохи, в которую им выпало жить.

И отец Артемки потихоньку от сына внес свою небольшую лепту в одну из таких экспедиций. Нет, не деньги были для него главным аргументом! Он был в меру просвещенным человеком и сознавал это, а хотелось ему большего. Хотелось, чтобы его сын свершил то, что не удалось свершить отцу в силу разных обстоятельств жизни. Хотелось ему, чтобы российские штандарты развевались далеко за пределами родной земли. И чтобы в одной из таких отдаленных экспедиций и его фамилия значилась в списках смельчаков. Но не тщеславие двигало им, а гордость. За старинное родовое имя, за смелого мальчишку, которого удалось вырастить именно таким, и за Отечество, которому всегда служили все истинно русские мужи.

Уже на излете был Золотой век Великих географических открытий, но все же оставались еще белые пятна на замшелых боках нашей планеты, и они ждали своих героев.

И юного выпускника за особые заслуги в изучении наук, и невзирая на возраст, в виде исключения, включили в состав экспедиции! Счастью юноши не было границ. Матушка промокала кружевным платком мокрые уголки глаз. Еще бы! Единственный сыночек, опора и надежда семьи – и вдруг уплывет на утлом суденышке в неизведанные страны. Вернется ли, бог весть? Было от чего заплакать.

Но сын успокаивал мать, объясняя, что не такое уж утлое суденышко их научное судно. И страны эти не вполне неизведанные. А были уже до него смельчаки, побывавшие в тех краях. И многие из них вернулись назад, к родным берегам. Утешил он мать или нет, то никому не ведомо, но решение его было твердым, и обратного пути не было.

Наступил день отплытия, и вся семья пришла провожать Артемку на пристань, туда, где стояли корабли, готовящиеся в дальний поход. Отец благословил сына на смелые свершения, завещал беречь честь фамилии, а матушка дала ему в дорогу маленький образок, который будет хранить её чадо в трудную минуту. Сестры троекратно поцеловали брата, и корабли подняли якоря и отправились на поиски неизведанных чудес. А земля большая, и чудес этих на ней никто не мог сосчитать. Никогда!

Глава 4

– Земля! Земля! Свистать всех наверх!

Юноша сидел на маленьком бочонке, разложив перед собой на грубом деревянном ящике свои записи. Он вел дневник с самого первого дня путешествия.

С утра было пасмурно, но к вечеру тучи стали светлее, окрасив небо в цвет мышьиной шкурки, и видимость, несмотря на серое недоброе небо, была прекрасной. Артем рукой прикрывал тетрадь от соленых брызг, но это не всегда помогало, и тогда чернильные пятна разползались по странице.

Старый боцман посмеивался над ним, глядя, как этот мальчишка что-то там царапает перышком на листках бумаги.

– И чего это вы там все пишете и пишете, Артемий Кузьмич, – риторически поинтересовался боцман, набивая табаком очередную трубку и неторопливо раскуривая ее. Палуба размеренно качалась под его ногами, но он не обращал на это никакого внимания. Боцман плавал по всем морям, какие только были на этом свете, с двенадцати лет, и даже в самый жестокий шторм его коренастая фигура казалась приклеенной к палубе, так крепко он стоял на ногах. – Шли бы вы в каюту, там поспокойнее, и сырости поменьше, – дал боцман Артему дельный совет.

Но юноше не хотелось в каюту. Он любил сидеть на палубе, вдыхать этот терпкий океанский ветер, смотреть, как громадные водяные горы перекатываются друг через друга, поднимая и опуская их кораблик, словно детскую игрушку.

Ничто не пугало Артема – ни тяготы пути, ни постоянная качка и отсутствие твердой опоры под ногами. Уже который день только океан встречал его по утрам и провожал по вечерам, когда он, исписав добрый десяток страниц, уходил в свою каюту. Артем описывал все, что только встречалось на его пути. И каждодневный монотонный быт матросов, и вечно меняющийся пейзаж, который открывался ему на палубе – закаты и восходы, черные грозовые тучи и золотые с розовым утренние облака. Только в море можно увидеть такое буйство красок, особенно, если человек обладает натурой романтической и художественной.

Но не только романтика манила Артема. Он был готов к трудностям. Мыслями он был уже далеко. Там, где ждут его странные растения и звери, где есть новые, не исследованные никем породы камня и еще каких-нибудь неожиданных и непознанных до него веществ. Каких – он понятия не имел. Но горы прочитанных в детстве и отрочестве книг настойчиво твердили ему только одно: «Ты тоже можешь быть первым. И на твою долю хватит открытий и неизвестных донныне чудес».

Поэтому Артем был спокоен и каждый день раскладывал на деревянном ящике, стоящем на палубе, бумагу и перья. Он записывал все свои наблюдения, заносил в тетрадь каждое событие и даже записывал сальные шуточки и поговорки, которыми пересыпали свою речь матросы на корабле. Артем и не думал становиться писателем, но ему все было интересно. Он описывал каждую увиденную им мелочь просто так, из любопытства, из привычки к прилежанию и аккуратности. Еще это занятие скрашивало однообразие походивших друг на дружку дней.

Дневник его начинался так: «Мы отбыли из Петербурга сентября 26 числа года 1858. Слава богу, свершилось! Всего в экспедиции два судна, называемые корветами. Мой корабль именуют «Одеон», а второй – «Гроза». Я плыву к далеким берегам и до сих пор не могу поверить в свою счастливую звезду. В экипаже нашем помимо капитана есть еще три старших офицера и трое ученых – один этнограф и два горных инженера. Этнограф – очень занятная персона. Все зовут его Порфирычем, и человек он очень приятный и общительный. Кажется, он в экспедициях не в первый раз, и его здесь все знают. А вот горные инженеры, напротив, держатся особняком и весьма высокомерны. Фамилии их Трофимов и Желобов. Общаются только

друг с другом да еще с капитаном. Слышал также, как пожилого крепкого дядьку звали Степаныч. Он – боцман. Остальные – матросы, человек около сорока. Мне обязанности назначены несложные, но для обучения мореходному делу, по-видимому, весьма полезные. Я пока вяжу канаты, именуемые здесь концами. А еще заставляют шивать парусину. Руки с непривычки устают, но времени свободного достаточно. Так что дневник вести можно сколько душе угодно, что я с удовольствием и делаю».

Потом шли каждодневные прилежные записи всего нового, что увидел Артем на корабле и вокруг него. Примерно через месяц он записал: «Прошли Гибралтар, и вот он, Атлантический океан. Зрелище грандиозное! Виват Российскому флоту!» Еще через пять недель они обогнули южную оконечность Африки и прошли мыс Доброй Надежды. И, что удивительно – все это время погода баловала экспедицию умеренными попутными ветрами и полным отсутствием неприятностей. Но, не зря говорят, что бывает затишье перед бурей. Случилось так и на этот раз. На траверзе Мадагаскара погода резко изменилась и вдруг спустила с цепи ураганы и ветры. Дождь хлестал с такой силой, что вода океана смешивалась с водой небесной, и теперь невозможно было отличить низ от верха. Огромные волны тяжелыми глыбами переваливались за бортом корабля. Уже который день вокруг, насколько хватало глаз, была только бушующая водяная жуть. Иногда, когда океан немного успокаивался, вода в нем становилась почти синей, как небо, но чаще она была свинцово-серой, похожей на мрачную набухающую грозой тучу.

Небо теперь почти все время было неприятного темно-серого цвета, и ночью звезды не было видно сквозь промозглый мрак дождевых туч.

Во время шторма корабли сбились с курса, но никто не терял надежды, что небо, наконец, прояснится, и станет ясно, где они сейчас находятся. Однако черные тучи над горизонтом и не думали расходиться. Чистое звездное небо и дневное светило не появлялось уже несколько дней, и это обстоятельство сильно затрудняло для экспедиции возвращение на прежний курс. И оставалось только ждать своей судьбы. Главное теперь было уцелеть в лапах океана, который во все времена мог сделать самое совершенное человеческое творение лишь хрупкой игрушкой для неаккуратных океанских волн. Идиотское выражение «ждать у моря погоды» приобрело очевидный фатальный смысл.

Видимо, местные боги, отвечающие за погоду, решили показать незванным гостям, где зимуют раки в этих краях. И они показали!

Кончились замечательные ежевечерние посиделки на палубе. Корабли мотало и несло по воле волн, пока, наконец, они не потеряли друг друга из виду. Но так часто случалось в те времена, и капитаны, зная об этом, заранее договаривались о том месте, где встретятся после бури. Обычным местом встречи в этой точке земли и был Мадагаскар. Там можно было пополнить запасы воды и продовольствия и отдохнуть после жестокого шторма. «Грозе» повезло. Она выскочила из шторма как резиновый мячик из детской рогатки, и, едва дотянув до Мадагаскара, стала на якорь ввиду его берегов – зализывать раны, нанесенные внезапным и жестоким штормом.

«Одеон» же, разлученный этим штормом с «Грозою», продолжал бороться с волнами и, словно легкое перышко, был гоним яркими порывами ветра все далее и далее от проторенных морских дорог. Природа, как видно, разозлилась не на шутку. Шторм уже много дней гнал и гнал «Одеон» по неизвестному маршруту. Ни солнце, ни звезды не появлялись на небе уже больше недели. А только огромные водяные буруны крутили и крутили в водоворотах деревянную скорлупку с горсткой смельчаков. Пока наконец в один из серых пасмурных рассветов не раздалось долгожданное: «Земля! Земля!» Все выскочили на палубу. Буря улеглась. Дождя не было. Низкое недоброе небо смотрело на нежданных гостей неприветливо. Узкий песчаный берег тянулся длинной полосой вдоль правого борта, и край этой земли уходил куда-то за горизонт. Скорее всего, это был не остров, а континент. И это была удача! Наконец-то можно

будет крепко стать ногами на твердую землю, почувствовать не надоедливую зыбь палубы, а привычную земную твердь.

Корабль подошел к берегу так близко, как позволили глубины под килем. Матросы спустили две шлюпки, и, с виду неповоротливые, похожие на половинки пузатых, разрезанных вдоль продольной оси матрешек, суденышки понеслись к незнакомому берегу так быстро, как только позволяла сила доброго десятка человеческих рук. Решено было коротко обследовать этот берег, а затем двигаться к Мадагаскару, туда, где после бури должен был ждать их корвет «Гроза».

Артем за время путешествия успел подружиться почти со всем экипажем. Он был всеобщим любимцем, как и тогда, в детстве, когда умилял всех домашних своими детскими поцелуями перед каждым обедом. Его мягкий покладистый характер делал его добрым другом для любого, кто хотел этого. Артем обладал еще одним замечательным качеством, которым природа редко наделяет человека – он умел слушать. И люди, в благодарность за это качество, одаривали юношу своей искренней дружбой.

– Прыгай, Артем Кузьмич, прыгай! Давай сюда, скорее! – Наперебой кричали ему из шлюпки. Он ловко спустился в маленькое суденышко, и матросы налегли на весла. Боцман, не выпуская изо рта любимой трубки, резкими выкриками командовал слаженными движениями гребцов.

Артем сидел на носу лодки, которая быстро неслась к неизвестному берегу, и сердце его билось громко и быстро, словно колокольный звон поселился внутри него. Артем вглядывался в приближающуюся полосу прибоя, и ему казалось, что весь мир сейчас гудит колоколами вместе с его сердцем – так и происходит встреча человека с мечтой.

Лодка неожиданно жестко, с налета, уткнулась в песок, и Артем кубарем слетел со своего места в воду. Громкий хохот окружил его со всех сторон, когда он вынырнул из соленой пены прибоя.

– Ну вот, с боевым крещением вас, Артемий Кузьмич! – Боцман спрыгнул в воду вслед за Артемом и, подхватив того за шиворот, мощным рывком вышвырнул на берег. Артем наглотался солено-горькой воды – так неожиданно и быстро оказался он в прибрежных волнах, и грубоватая помощь боцмана пришлась весьма кстати.

– Эх, наберут молоденьких мальчишек и возись тут с ними, – ласково глядя на Артема, бормотал боцман себе под нос, пока тот, словно промокший под дождем щенок, отряхивал с себя воду.

– Что, Артемий Кузьмич, солена водица? – К нему, мокрому и растерянному подошел капитан. – Ничего, не тушуйтесь. Я сам по неопытности не раз со шлюпки вылетал, пока не приноровился. – И капитан дружелюбно похлопал юношу по плечу. Матросы с громким свистом и шутками вытащили шлюпку на песок, и теперь все оглядывались по сторонам, разглядывая незнакомое место.

Берег был песчаным, но недалеко от кромки воды начинались густые зеленые заросли. Капитан разделил всех сошедших на берег на две команды и приказал обследовать этот незнакомый песчаный пляж и прибрежный лес.

– Господа, прошу вас далеко не отлучаться. Сегодня у нас задача не исследовать сей неизвестный нам берег, а пока только осмотреться. Я думаю, двух часов нам будет достаточно. Через два часа собираемся все на этом же месте. В случае тревоги трубите в горн. – И обе команды разошлись по своим маршрутам.

Артему достался лес. В его команде было шестеро человек. Трое матросов, боцман и старший офицер. Юноша обрадовался такому удивительному совпадению. Дело в том, что с этим офицером за время плавания Артем сдружился особенно тесно. Ему нравилась неторопливая рассудительность и сдержанность этого человека. Звали его Сергей Викторович Карганов. Он был дворянин, замечательный мореход и ученый, и участвовал в экспедициях уже

в третий раз. За время путешествия они с Артемом провели не один час за интересной беседой. Сергей Викторович рассказывал юноше о своих путешествиях, о том, что ему довелось увидеть и услышать, и подчас его рассказы напоминали захватывающие повести, в научность которых тяжело было поверить. Но сомневаться в его словах было в высшей степени неправильно, поскольку этот человек был образцом честности и принципов.

В самом начале путешествия Караганов держался слегка особняком ото всех, и обычно после ужина, если погода не была слишком мрачной и качка немного успокаивалась, он выходил на палубу, присаживался неподалеку от импровизированного кабинета, устроенного здесь же Артемом, и долго смотрел на темный горизонт. На его лице ничего не отражалось. О чем мог думать человек в таком положении? О чем угодно. О судьбах мира, о любимых людях, о новых землях. Даже просто ни о чем. И это тоже было правильным выбором, поскольку никто не знал, что можно ждать от завтрашнего дня – в море не стоит загадывать более, чем на одну минуту вперед.

Когда оставались силы и время, Артем вечерами прилежно трудился над дневником. Аккуратно исполнив свои обязанности, – в экспедиции исключений не было, здесь каждая пара рук была наперечет, – он исписывал страницу за страницей, пока свет дня, опускаясь все ниже и ниже к водной глади, не сменялся полным мраком, и вокруг становилось так темно, что писать уже не было возможности. Тогда он прятал свою бесценную тетрадь за пазухой камзола и вглядывался в темнеющий горизонт – не мелькнет ли там что-нибудь.

Караганов никогда не интересовался тем, что именно описывал в своей тетради молодой ученый. Он и так это знал – кто в молодости не вел путевых дневников! Но ему нравился этот молодой человек с кротким нравом и учтивыми манерами. Он наблюдал за ним, незаметно посмеиваясь в усы над его наивной молодой восторженностью, которая все же невольно вызывала уважение абсолютным следованием к поставленной цели. Караганов знал, что из таких людей с возрастом получаются настоящие ученые, которые прославляют Отечество и свою фамилию. А это очень много для обычного человека, жизнь которого – только крошечный миг для Вселенной.

Как-то, в один из таких вечеров, на борт их судна рядом с судовым фонарем села большая пестрая птица. У нее был огромный красный клюв, которым она непрерывно вертела во все стороны. Вид у нее был довольно устрашающий, но только не для молодого ученого. Артем несколько минут смотрел на нее, как замороженный, а потом медленно поднялся и стал подкрадываться к незнакомке.

– Не вздумайте подходить к ней ближе, чем на три метра, мой юный друг. Даже если вы большой любитель неизученной фауны и сильно хотите с ней познакомиться, – раздался из темноты голос Караганова. – Я знаю этот вид, они очень драчливы и не оценят вашего гостеприимства. – Артем от неожиданности отпрянул назад. Караганов встал со своего места и подошел к Артему. – Видите этот шрам, – офицер завернул рукав – в слабом свете фонаря Артем разглядел белеющий на коже рубец, – это я когда-то хотел покормить такого же интересного представителя этой хищной породы. Я тогда был примерно ваших лет. – Караганов поправил рукав и посмотрел на Артема. – Знаете, на палубе становится прохладно. Что вы скажете о чашечке хорошего чаю в кают-компании? – После этого случая их ежевечерние посиделки стали традицией. Матросы, свободные от вахт и работ, приходили послушать рассказы Караганова. Они сидели тихо, как дети, которым няня на ночь читает волшебные сказки.

– Понимаете, Артемий, в мире множество удивительных вещей, о которых мы пока ничего не знаем. – Караганов набивал трубку табаком и неторопливо раскуривал ее. – Но это совсем не значит, что их нет. Наше невежество не делает эти вещи менее значимыми для этого мира, поверьте, мой юный друг, вы на правильном пути. Ваша жажда знаний будет обязательно удовлетворена. Если есть вопрос, то обязательно будет и ответ. Печально, что не у всех людей возникают вопросы к этой жизни. И они навсегда остаются в неведении, как устроен этот мир.

Это очень печально, но это так. И ничего с этим нельзя поделать – таков промысел божий. Он намеренно сделал всех людей разными, и у каждого свое предназначение. – Артем слушал товарища и удивлялся. Неужели и ему предстоит узнать столько необыкновенного и неизведанного? И этот его простой вопрос вскорости совершенно неожиданно получил ответ.

Как только маленький отряд удалился в чащу, сразу стало намного темнее – высокие стволы деревьев скрывались где-то высоко над головами людей. Их мощные кроны с тяжелыми каскадами плотной листвы прятали дневной свет и были густо переплетены лианами. Под деревьями было сыро и душно. Негустой подлесок давал вполне свободный проход, и людям не приходилось прокладывать себе дорогу вперед при помощи титанических усилий, как это часто бывает в густых нехоженных лесах.

Отряд шел вглубь леса уже около часа, когда на их пути попало русло пересохшего ручья.

– Надо возвращаться, – сказал Караганов, задумчиво глядя вдоль ручья. – Ручей – хороший ориентир. И идти удобно, словно для нас дорожку постелили. Но сейчас идти бессмысленно, – он рассуждал вслух, – капитан дал всего два часа, а здесь дорога может быть и на несколько дней пути. – Боцман одобрительно качнул головой, выпустив густой синий клубок дыма. Матросы молча ждали распоряжений, не вмешиваясь в разговор. И только Артему не хотелось возвращаться на корабль, когда так близко были приключения из его детской мечты. А вдруг за поворотом неизвестное племя или и того интересней? Караганов продолжил: – Сейчас короткий привал, и айда назад. – Матросы одобрительно загалдели и повалились на мягкий мох, росший по берегам бывшего ручья, снимая жесткие кожаные башмаки и растирая затекшие ноги. Такая обувь хороша была на твердом дощатом помосте палубы. А в лесу тяжелые башмаки были словно пудовые гири на ногах. Они набирали влагу постепенно – толстая кожа промокала в росистой траве. Противный зуд насекомых становился невыносимым во влажном и душном лесу, и злющие мошки воспользовались тем, что люди блаженно лежали на траве без движения. Они теперь заползали в складки одежды, забирались в любые доступные места и нещадно кусались. Артем сначала отбивался от надоедливых насекомых, но не выдержал, вскочил и стал приплясывать, хлопая себя по бедрам и локтям. Боцман, посмеиваясь, смотрел на него, раскуривая свою трубку. Когда из трубки вырвался первый клубок дыма, боцман удовлетворенно вздохнул и сказал:

– Вот вы, Артемий Кузьмич, человек образованный, а того не знаете, что мошка дыма боится. Закурили бы трубочку, и вся недолга.

– Я не курю, спасибо за совет, боцман, – сквозь зубы сказал Артем, отчаянно отбиваясь от обнаглевших насекомых – сильно открывать рот в лесу, наполненном стаями мошкар, не стоило.

– Вот и зря, – поддержал боцмана Караганов, – в нашем деле трубочка крепкого табаку – бесполезная вещь. И в холод согреет, и мысли поправит после утомительного дня.

– И вы туда же, – обиделся Артем. – Я это чертово зелье с детства не люблю. Мой батюшка любитель этого занятия, а я, извините, не приемлю. – И Артем гордо вскинул голову, всем своим видом давая понять, как он относится к табаку.

– Эх, молодо-зелено, – снисходительно пробормотал боцман. Но Артем расслышал его тихое бормотание, и обида выросла над ним, как многоэтажный дом. Он теперь только что не дымился от этой обиды. Но Караганов, предвидя последствия, первым выбросил белый флаг.

– Вы в чем-то правы, мой юный друг. Конечно, табак – это не монпансье. И вредность его доказана. Но каждый человек волен в своем выборе. Если вам претит нюхать табачный дым, так и правильно, здоровее будете. Если, конечно, не станете злоупотреблять водкой или другими соблазнами. Все ведь в жизни относительно. Можно курить крепчайшее зелье и прожить долго и счастливо. А можно кушать исключительно манную кашку, и скончаться от банальной простуды, не прожив и половины жизни. Это уж как кому на роду написано. – Матросы

весело заржали, но Караганов строго глянул на них, и они притихли. – Не обижайтесь, Артемий Кузьмич. Я уважаю ваши взгляды. Но я не сторонник фанатизма в любом его проявлении. Позвольте другому быть другим, и тогда гармония в вашей душе будет вечной.

Спокойствие и философский взгляд на мир – самое лучшее лекарство от любой обиды. Артем сразу успокоился и даже устыдился себя.

– Да и правда, чего это я вспылел. Вы, как всегда, правы, а у меня не хватает жизненного опыта и выдержки. – Он подошел к Караганову и подал ему руку.

– Я ценю в людях именно это качество, которое есть в вас – умение признавать свои ошибки. Или, скорее, временные заблуждения. Так будет точнее. Ваша молодость извиняет отсутствие жизненного опыта, а мудры вы не по годам. – Караганова растрогал юношеский порыв Артема, и он искренне пожал протянутую ему руку.

Притихшие матросы с уважением смотрели на обоих, а боцман только цокнул языком, вынул изо рта дымящую, словно локомотив, трубку и махнул ею, словно говоря: «Вот, мол, вам образец истинных человеческих отношений. Не грех бы и нам это перенять». Но все это можно было только предположить – на его лице цвета мореного дуба тяжело было наверняка прочесть хоть какое-то проявление чувств.

Напуганная густым трубочным дымом, мошка наконец присмирела и не наседала теперь на людей как раньше. Артем присел на траву, опершись спиной о дерево, и закрыл глаза. Перед его мысленным взором пронеслось далекое детское воспоминание: зеленый луг с пышной мягкой травой, сестры, играющие с воланами, яркий солнечный день с убаюкивающим летним теплом и безмятежностью во всем мире. Он почти задремал, но какой-то резкий непривычный звук вывел его из этого дремотного состояния. Артем прислушался. Через несколько минут звук повторился. Он напоминал цоканье лошадиных копыт по мощеной булыжником мостовой. Артем огляделся вокруг. Матросы лежали на траве, а боцман и Караганов о чем-то тихо беседовали. Артем поднялся и неторопливо пошел в сторону звука, по пути разминая затекшие ноги. Пройдя вперед по руслу ручья около сотни метров, Артем вновь услышал этот звук. Теперь он раздавался прямо у него над головой. Взглянув вверх, юноша рассмеялся. Прямо над ним на толстой ветке неизвестного ему дерева сидела крохотная обезьянка. Она рассматривала Артема с таким же любопытством, как и он ее. Когда ей это надоело, обезьянка сложила язык трубочкой и совсем как уличный мальчишка где-нибудь на набережной Петербурга стала лихо цокать им. Звук был громкий и залихватский. Казалось, еще мгновение, и обезьянка заливисто свистнет молодецким посвистом, как бывалый питерский ямщик, и примчится на ее зов Сивка-Бурка. В яблоках. Но обезьянка, поцокав языком в свое удовольствие, умчалась по ветвям деревьев куда-то в чащу. Артем развернулся, чтобы идти назад, и вдруг у себя под ногами увидел следы босых ног, отпечатавшиеся в мокрой глине на дне почти пересохшего ручья. Он присел и пальцем потрогал глину – следы были довольно свежие, глина еще не успела застыть и осыпаться. Поразмыслив минуту над этим непредвиденным обстоятельством, Артем решил, что в одиночку разгадывать эту загадку в незнакомом лесу не стоит. Быстрым шагом он вернулся на поляну, где уже заметили его отсутствие.

– Что же это вы, батенька, дисциплину нарушаете, – укоризна в голосе Караганова была едва уловима, но Артем и так знал, что провинился – отлучаться в одиночку в незнакомом месте категорически запрещалось.

– Извините, Сергей Викторович, больше не повторится. Но я тут одну интересную находку обнаружил. – И Артем рассказал о своем открытии. Караганов внимательно выслушал рассказ юноши, по-привычке запустив пятерню в бороду, что означало у него признаки крайней обеспокоенности, и после минутного раздумья он изрек:

– Значит так, слушай мою команду. Чтобы через пять минут нас с вами здесь не было. Незнакомые следы, да еще свежие – это плохой знак в неисследованном месте. Это значит, что они нас видят, а мы их нет. Возвращаемся!

После привала сил у всех поприбавилось, и отряд быстро пошел в сторону берега. Вскоре они вышли на песчаный пляж, где их уже поджидал капитан со своими людьми.

– Ну как? Что-нибудь интересное нашли? – По тону капитана невозможно было определить, шутит он или спрашивает серьезно. Караганов в тон ему ответил:

– А что бы вы на нашем месте искали? Клады? Или полезные ископаемые?

Капитан улыбнулся:

– Насчет кладов – это вы в самую точку попали. Смотрите, – он махнул рукой матросу, и тот вытащил из холщового мешка странную находку – рынду – корабельный колокол. На нем было написано славянской вязью «Феофан». – Мы нашли это на песчаном берегу. Один из матросов заметил. Молодец! Когда вернемся на корабль, выдам ему премию – фляжку вина. Пригодится. А вы, Караганов, понимаете, что это значит? – Капитан не дал никому ответить на свой вопрос и сам же продолжил: – А это значит, что на этом неизвестном берегу не мы первые побывали. А еще кто-то из наших соотечественников уже ступал на эту землю. И теперь вопрос – кто это был и где он сейчас. Судя по всему, колокол лежит здесь давно. Больше никаких следов судна мы не обнаружили. Если они и были, то их разметали ветры и прибрежные волны.

– Вы думаете, корабль потерпел крушение? – спросил капитана Артем.

– Скорее всего, так и случилось. Судите сами – колокол лежал на расстоянии полукабельтова от линии прибоя. Далековато для случайности.

– Да. Рынды плавать еще не научились, – заметил боцман. – Выходит, что колокол тот волнами вместе с кораблем на берег вынесло. А потом доски, что полегче, назад в воду унесло. А колокол-то и остался. – Боцман помолчал и добавил со вздохом: – Похоже, что все так и было. – И перекрестился на ближайшую пальму.

– Вы знаете, капитан, не такое это место, по-видимому, и пустынное. Здесь не только наши соотечественники следы оставили. – И Караганов коротко доложил капитану о находке Артема. Капитан сразу стал серьезен.

– Да, вы правы – не такой уж этот край пустынный, как кажется с первого взгляда, – многозначительно глядя на старшего офицера, сказал капитан. – М-да, а чего мы, собственно, ожидали? Везде люди живут. И я согласен с вами, в целях безопасности экспедиции надо как можно быстрее возвращаться на корабль. Недаром древние говорили – предупрежден, значит вооружен. Вот и мы с вами вернемся сюда предупрежденные и вооруженные. Наука наукой, а понапрасну рисковать жизнями людей нам ни к чему.

Оба отряда погрузились в лодки и благополучно прибыли на корабль. Больше никаких происшествий в тот день не случилось.

Наутро произошло чудо. Наконец, после долгого перерыва тучи разошлись и выглянуло солнце. Капитан с утра засел за вычисления и уже вскоре все знали, что за местность попалась им после такого непредсказуемого путешествия.

– Мы, господа, с вами сейчас на восточном побережье Африки. Я думаю, это Танзания. Да, далековато нас занесло, да господу богу не прикажешь – погода – это его епархия. Но во всем есть положительный знак. Может статься, и о соотечественниках наших что выясним – это наш долг перед богом и Отечеством. Думаю, и местные людишки вскорости объявятся. Конечно, особого дружелюбия нам здесь ожидать не приходится, но исследовать этот берег весьма заманчиво. Думаю, два-три дня у нас найдется. Все же, не каждый день судьба заносит в такую даль. Обидно будет упустить этот шанс.

В экспедицию выбрали исключительно добровольцев. Таких набралось почти два десятка. Из офицеров это были сам капитан, Караганов, Артем и ученый-этнограф Порфирич. Также в добровольцах оказался и боцман Степаныч. Остальные были матросы. Но капитан выбрал из этих добровольцев семерых самых крепких и выносливых, а остальным велел остаться на корабле.

Оба горных инженера от путешествия в лес отказались. Они планировали осмотреть небольшой горный кряж, возвышавшийся километрах в двух левее песчаного пляжа, напротив которого располагалась стоянка «Одеона». Экспедиция же в лес планировалась на три-четыре дня, и Артему показалось, что инженеры, с презрением относившиеся ко всему на земле, кроме своих холодных бездушных камней и минералов, решили, что слишком тесного общения с моряками им не перенести. Ему даже подумалось – и на кой черт им вообще было из Питера уезжать? Сидели бы себе в своем Горном институте да изучали гранит Питерской набережной. В общем, их авторитет пал в глазах Артема весьма низко.

Но все остальные неожиданной передышке в затянувшейся морской прогулке были только рады. Особенно обрадовался ученый-этнограф. Он и не ожидал, что ему так повезет. Ведь основной целью экспедиции был поиск малоизученных земель в районах островов Океании и далее, к северу от этих земель, вплоть до Японии, а это совсем другие народы и племена. Но все это можно было и отложить ради такого случая.

Оба отряда снова высадились на берег. Теперь все выглядело иначе, более основательно и продуманно. Каждый отряд был снабжен оружием и провизией на три дня. Решено было обследовать близлежащий берег в двух направлениях. Вдруг удастся обнаружить еще следы кораблекрушения. Надежды было мало, но с нынешней целью экспедиции эта новая задача не расходилась. А насчет следов, отпечатавшихся на дне ручья, разговоров не было. Все и так понимали, что это означает. Дикая страна, дикие люди. Только вот выяснить бы, дружелюбные это дикари или не очень.

Отряды разошлись в разные стороны, договорившись встретиться на этом же месте через три дня.

Глава 5

Машка сидела на полу, уткнувшись носом в коленки. Взгляд у нее был растерянный, а волосы торчали во все стороны. Это происходило оттого, что у Машки с детства была привычка при любых неприятностях взъерошивать свои волосы во всех направлениях. Она накручивала их на кулак, а затем пальцами пыталась зачихнуть получившуюся гульку куда-то в район макушки. Когда ей это надоедало, она бросала это занятие, и ее прическа приобретала вид прически пещерного человека, не знакомого с современным парикмахерским искусством. Судя по Машкиным волосам, дело было совсем плохо.

Мы с Олегом беспрепятственно проникли в Машкину квартиру, так как дверь была открыта – она, так же как и я, очень легкомысленно относилась ко всякого рода запорам и считала запертую дверь неотмершим атавизмом. Может, поэтому с нами и происходили такие необыкновенные вещи.

Я опустила на ковер рядом с Машкой.

– Маш, ты чего так сидишь? – задала я один из тех idiotских вопросов, которые всегда лезут в голову, когда их об этом не просят. А что еще спрашивать? Ну, не о том же, который в данный момент час?

Машка посмотрела на меня и тихо произнесла.

– Лен, это что, с машинками – эпидемия такая? Как ветряная оспа?

– Машенька, я пока ничего не знаю. Но я тебе обещаю, что Коля во всем разберется. Должен же квалифицированный специалист заниматься нашими с тобой проблемами. Мы ему звонили – он уже едет, – я посмотрела на Олега. Олег в знак поддержки активно закивал головой. – А сейчас давай просто пойдём на кухню и выпьем чаю.

Машка обреченно кивнула, и мы дружной стайкой пошли на кухню. В таких случаях чай или кофе – лучшее лекарство. Я не знаю, почему это происходит, но это умиротворяющее занятие замечательно отвлекает от дурных мыслей. Наверное, потому что любое чае-кофепитие изначально имеет глубокий домашний смысл. Посудите сами, где обычно собирается вся семья? Конечно, на кухне! А что они там делают? Да чай пьют, что же еще! Вот и выходит, что в терапевтических целях при любом стрессе надо сразу галопом нестись на кухню и заваривать крепкий душистый чай. Или кофе. Кто как любит.

Коля ворвался в нашу кухню, словно локомотив-тяжеловоз, на всех парах.

– Девчонки, привет! – радостно сообщил он нам. Олег недоуменно уставился на товарища. – А, да, и мальчишки тоже привет!

– Ну, то-то, – удовлетворенно пробурчал Олег.

– Я кое-что имею вам сказать, как говорили в Одессе в доисторические времена, – заявил нам Коля и потребовал себе чашку чая. – Девушки, для успешного хода расследования, я думаю, вы должны мне рассказать, почему некто, которого мы пока не знаем, но обязательно вычислим, занимается разбоем со стиральными машинами только в ваших двух замечательных семействах. – И Коля победно посмотрел на нас. Мы с Машкой переглянулись, и на наших лицах было, видимо, написано все, что мы о Коле думали.

– Понимаете, Коля, – медленно подбирая слова, начала я свою речь, – мы с Машей как раз рассчитывали, что это вы сможете рассказать нам, что происходит... – Но Коля не дал мне закончить.

– Нет, Лена, вы меня неправильно поняли. Понимаете, то, что этот, пока неуловимый для нас, преступник раскурочил еще и Машину стиралку, дает в руки следствия дополнительные ниточки и сильно облегчает нашу задачу. Других аналогичных случаев в нашем городе пока не зафиксировано. А это значит, что это каким-то образом связано только с вами, понимаете, именно с вами. Или вашими родственниками. Я имею ввиду ваши семьи. Теперь, перед тем

как я поеду к вашей, Лена, матушке на дачу и обследую там каждый сантиметр на ее шести сотках, я прошу вас рассказать мне свои биографии, начиная с колыбели. А если потребуется, то и биографии ваших родителей. Согласны?

Мы с Машкой снова переглянулись.

– Согласны. Куда ж от вас деваться, товарищ следователь.

– Это хорошо. А перед тем, как вы мне начнете все это излагать, я прошу вас об одной безделице. – И Коля загадочно посмотрел на Машку. Та насторожилась:

– Чего еще?

Коля сделал жалостливые глаза и сказал тоненьким голосом:

– Девочки, накормите несчастного следователя. А то у меня со вчерашнего ужина на вашей даче маковой росинки во рту не было. А я вам все честно отработаю. Идет?

Машка весело заржала. Ее печаль куда-то испарилась ровно за шесть секунд. Вот в этом была она вся – накатила грусть вселенская, и нет ее!

– Какой разговор! Нашего домашнего следователя мы будем кормить на убой! – И Машка ринулась к холодильнику. А, надо заметить, что хозяйка она знатная. Через минуту на плите уже закипал в маленькой кастрюльке суп с фрикадельками, а в микроволновке поджаривались мои любимые итальянские бутерброды. Это когда на белый батон кладется толстый кусок колбасы, а сверху такой же кусок сыра. И все это поджаривается в любой духовке. Сыр стекает по бокам колбасы и батона тягучими аппетитными струйками. Вот тут-то и надо не прошляпить это удовольствие, а то весь сыр вытечет на тарелку. А лысая колбаса без сыра – это уже не то. Поедается обязательно в горячем виде, потому что холодный сыр не такой вкусный. Рекомендуются все это запивать сладким чаем. Это умопомрачительная вкуснятина!

Коля поглощал еду в достаточных количествах, а мы опять сидели и ждали, пока он насытится. Это уже приобретало черты новой традиции. Но мы не возражали. Мы с Машкой были холостыми, и мужчины в нашей жизни появлялись не часто, на них у нас просто не оставалось времени. А уж чтобы отхватить себе где-нибудь пару приличных мужиков, то об этом мы уже не могли и мечтать! Попадалась все какая-то несерьезная мелочь. А тут, можно сказать, произошло настоящее чудо – два этих самых приличных мужика к нам сами пришли. И, причем, посреди глубокой ночи. То есть, Колю мы, конечно, вызвали, а вот Олег, действительно, с неба свалился. И ведь, что интересно, Олег-то жил у меня совсем под боком! Что называется, судьба.

Но мы с Машкой ничего наперед не загадывали. Всякое в жизни бывает. И не факт, не факт... Посмотрим!

А пока Коля разворачивал на Машкином кухонном столе свои манускрипты, чтобы дополнить их нашими новыми пространственными показаниями. Теперь он был собран и серьезен.

– Давайте, девочки, малейшие детали, все, что считаете интересным. Выкладывайте.

Первой начала я.

– Родилась в Москве. Закончила школу, еще музыкальную школу для одаренных детей. Потом Гнесинка. Потом «конса», ой, то есть, консерватория. Потом музыка. И все. – Я замолчала и посмотрела на Колю испуганными глазами.

– Это все? – строго спросил он.

– Все, – сказала я.

– Не густо, – констатировал наш домашний следователь. – Давай теперь ты, – и он кивнул Машке, приободлив ее взглядом.

– Ну, я тоже в Москве. В смысле, родилась. Тоже школа. В одном классе с Ленкой. Только у меня не музыка, а балет. Но это в детстве. В детстве все девчонки мечтают стать балеринами. Слава богу, с возрастом это проходит.

– Не отвлекайтесь, – снова строго сказал Коля.

– Ага, значит, дальше институт. Обыкновенный.

– Это какой? – уточнил Коля.

– МГУ, конечно, – обиделась Машка.

– Дальше.

– Что дальше?

– Факультет какой?

– Факультет – журналистика. Журналист я, и еще фотокорреспондент, но это, скорее, хобби, и все такое прочее. Работаю в газете. Все.

Коля смотрел на нас как на двух недоразвитых подростков.

– Девушки. Вы понимаете, что это несерьезно. – Коля был еще более строг с нами, чем раньше. Мы обе скромно потупились.

– Понимаем, – сказала я. – Но у нас больше нет никаких дополнительных биографий.

Коля помолчал аж целых три минуты. Видимо, он обдумывал наш ответ.

– Хорошо, – сказал он после своего молчания. – Давайте теперь о родителях.

– О родителях, так о родителях, – сказала я. – Мою маму вы видели. Она учительница. Вернее, была. Сейчас на пенсии.

– Где родилась? – Колин вопрос был похож на вопрос врача, который спрашивает пациента, что у него болит.

– А, родилась она далеко, в Сибири. Поселок там такой есть, Кишма называется. Ее мой дедушка сюда в Москву привез, когда она школу закончила. И Машкину маму тоже он привез.

Коля насторожился.

– Как Машкину? А она что, тоже оттуда?

– Ну да, – просто сказала я. – Они родственники. Но ее уже, к сожалению, нет в живых, – голос мой был слегка виноватым.

Коля снова задумался и теперь он думал целых пять минут.

– Знаете, что я думаю? – Наконец изрек он. – А я думаю, что в целях ускорения процесса расследования нам просто необходимо еще раз съездить к вашей маме на дачу. – Я не возражала.

Через час мы снова были на даче. Машка позвонила на работу, предупредить, что ее завтра, возможно, снова не будет – у нее журналистская депрессия. А я заранее позвонила маме, и она ждала нас, опершись на калитку. Рядом с ней стояла тетя Нина. По ним обеим сразу было видно, что они успели обсудить все случившееся, и теперь жаждали новой информации.

Все старики делятся на две категории. Первая – это любители посидеть на лавочке и побездельничать, поглощая тонны жареных семечек. А вторая – это те, кто не приемлет безделья и должен обязательно быть занят каким-либо трудом. Лучше крестьянско-дачным. Не исключается и мыслительный.

Но обе эти категории не могут жить без одной вещи – без информации. Информация – это не только царица мира и двигатель прогресса. Это еще и хранитель и продлеватель жизни для пожилого поколения граждан. И это правильно. Поскольку все события их собственной жизни уже значительно исчерпались, то им просто необходимо узнавать что-то – все равно что – из жизни других людей. И если их мозговую деятельность не подпитывать какими-нибудь сведениями со стороны, то она, эта деятельность, неминуемо угаснет. А разве нам это нужно?

Таким образом, мы застали обеих наших дачниц в предвкушении чего-нибудь новенького и интересенького.

Коля начал с места в карьер.

– Татьяна Петровна, мне срочно нужна ваша биография.

Но жажда новенького все же не смогла перевесить в моей маме жажды накормить и напоить бедных голодных и неприкаянных детей.

– Вот те раз, – всплеснула руками моя мамуся, – не успел разуться, и уже туда же – биография. Сначала, я думаю, надо пообедать. – Мама внимательно окинула взглядом нас с Машкой, видимо на глаз пытаясь определить, успел ли успешно перевариться замечательный

деревенский обед в наших городских желудках. Утренний завтрак уже совершенно точно был не в счет. Это же было целых полдня назад! И по всему маминому виду мы поняли, что спорить с ней абсолютно бесполезно.

А никто и не собирался. Коля, правда, сразу как-то сник. Видимо детективный зуд уже не давал ему покоя, и он жаждал информации безо всяких проволочек. А тут... Но Олег не дал ему совсем упасть духом и предложил пока пройтись по живописным окрестностям. Их не было около получаса. А когда они появились, Коля был возбужден сверх всякой меры.

– Представляете, я ее нашел! – с порога заявил он нам.

– Кого? – хором спросили мы.

– Как, кого? Вашу стиральную машинку. Я же говорил, что вор ее далеко нести не станет. Так и вышло. Он дотащил ее до ближайшей рощицы, и там выпотрошил и бросил.

– Ура национальному сыску, – торжественно объявила я.

– Но это еще не все. Понимаете, ни у вас в квартирах, ни у вашей мамы в ванной я никаких отпечатков не нашел. А здесь есть! Представляете? Он когда машинку ломал, то палец поранил. А перчатки-то, видимо, резиновые, порвались. Так что здесь и образец крови есть, впридачу к замечательному четкому следу пальчика. Теперь мы его, голубчика, на чистую воду-то и выведем. – Коля радовался, как ребенок.

– Ага. Обязательно, – тихо сказал Олег. – Если поймаете. Так он тебя здесь и дожидается.

Коля обиженно глянул на приятеля.

– Вот увидишь, я от него теперь не отстану.

– Да знаю я, – улыбнулся Олег. – Ты с детства настырным был. Как вцепишься кому-нибудь в хвост – так все, намертво. Представляете, если Колька в детстве хотел у меня контрольную по математике сдать, то как бы я не вертелся, все равно от него отстать было невозможно. Так вот, оказывается, где проявились твои первые задатки гениального следователя! – шуточно подытожил свою версию Олег. Но Коля уже его не слышал. Он прихватил свой маленький следовательский чемоданчик и понесся снимать отпечатки пальцев и образцы крови предполагаемого преступника. Много ли надо человеку для счастья!

Еще через полчаса мы уже сидели шумной компанией на нашей веранде и уписывали все подряд: и пирожки от тети Нины – она тут же напекла их целую гору, горячую и пахучую, как старинная немецкая кондитерская. А еще тут были всякие салаты и салатки, свежая окрошка и моя любимая домашняя колбаса – деревня все-таки есть деревня! Больше всех веселился следователь Коля.

– Вы представляете, Татьяна Петровна, а вы ведь правы оказались, – радостно сообщил Коля всей нашей компании, запихивая в рот огромный кусок пирога. Причем, все это он умудрялся проделывать одновременно – и говорить, и есть.

– Это в чем же, Коленька, – поинтересовалась мама, подливая ему в чашку горячий чай.

– Да все просто. Помните, вы мне сказали, что раньше стиральные машинки были другого фасона. Так вот, я сознаюсь вам честно, тогда вам не поверил. А, как выяснилось, зря! Мы ведь сейчас, когда с Олегом вашу машинку нашли, я сразу и не понял, что это. Так, бочка какая-то валяется на колесиках. Беленькая такая, и сбоку написано «Бирюса». Я таких машинок даже не видел никогда, честное слово! Я только потом сообразил, когда мне Олег на нее указал и говорит: «Смотри, Колян, похоже вот она, машинка, которую у Татьяны Петровны уперли». – Мама моя от души смеялась, не забывая при этом всем нам подкладывать и подливать еду и питье. Она всегда боялась, чтобы кто-нибудь не остался голодным. Видимо, этого боятся все мамы, но моя боялась этого просто панически.

– Да, Коля, мир немного изменился. Стиральные машинки были не такими удобными, как сейчас. До этой самой «Бирюсы» наша промышленность выпускала машинку еще древнее, почти ровесницу фараонов. Она называлась «Волга». Тоже бочка на колесиках, только не белая, а коричневая, а еще сверху крепились два валика, чтобы белье выкручивать. Пред-

ставяете, вставляешь между валиками какую-нибудь тряпочку и крутишь специальную ручку. Тряпочка между валиками прокручивается и вещь почти сухая!

– Гениально, – воскликнул Коля и потянулся за новой порцией пирога.

– Сейчас, конечно, все изменилось. Но это к лучшему, – очень уверенно сказала мама.

– Но они, эти ваши машинки, действительно были гораздо легче, и это позволило преступнику справиться с ней в одиночку, – сказал Коля и многозначительно поднял палец. Он был так комичен в этот момент, что у меня даже пирог вывалился изо рта – так я хохотала.

– Вы правы, Коленька, – согласилась моя мама. – Но, пожалуй, это было их единственным достоинством, и вес в данном случае решающего значения не имеет.

Я развеселилась не на шутку.

– Да, мама. Вес значения не имеет. В современных условиях только размер имеет значение – так утверждает реклама в телевизоре. – И мы снова смеялись так, словно кто-то рассказал нам самый смешной в мире анекдот. А это просто было такое настроение. Или состояние души. Ведь все знают – иногда у человека бывает такое настроение, что палец покажи – и он хохочет, как полоумный. Наверное, это защитная реакция организма от всяких разных урбанистических стрессов.

Когда пир подходил к концу, никому даже думать не хотелось о том деле, которое привело нас сюда. И все решили пройтись – прогуляться к речке. Сказано – сделано!

А потом как-то само собой получилось, что нам захотелось искупаться.

– А слабо вам пробежаться на спор, а? – неожиданно предложил Олег.

– Как это? – не сразу понял его идею следователь Коля.

– А вот так это, – крикнул Олег, от полноты чувств он подпрыгнул, громко заржал, наверное, подражая арабским скакунам перед стартом, и рванул в сторону речки, на ходу стягивая и разбрасывая вокруг себя рубашку, кроссовки и прочие предметы туалета. Мы, сраженные наповал гениальностью его идеи, наперегонки понеслись к речке, дико улюлюкая, на ходу раздеваясь и разбрасывая детали наших костюмов в радиусе ста метров вокруг. Наша скромная маленькая заводь со времен своего образования не слышала такого первобытного рычания и воя. А объяснялось все очень просто: вода в речке была холоднее, чем в горном ручье, а мы опрометчиво влетели в нее, как электричка в туннель.

В первое мгновение в холоднющей воде исчезли все краски и звуки и возникло странное чувство, что воздух в легких просто перестал двигаться, он стал твердым, и дышать стало нечем. Во второе мгновение ты вдруг начинаешь понимать, что надо с этим срочно что-то делать, выныриваешь из воды, и твой истошный крик выталкивает твердый воздух вон из легких. Вдруг возникает неожиданное и приятное ощущение, что заново родился. А в третье мгновение все возвращается – и звуки, и краски, и ты уже точно знаешь, что жизнь – это замечательная штука, если в ней есть возможность вот так запросто плескаться и фыркать посреди жаркого летнего дня, позабыв про весь остальной мир. И про все его заботы.

Потом мы валялись на песчаном пляже и трювили анекдоты. У меня от смеха болел живот. Я так не развлекалась со времен студенческой юности.

Когда солнце уже дотягивалось лучами до низко плывущего над лесом одинокого облака, слегка похолодало. Мы вдоволь напрыгались, накупались и нахохотались до легких коликов во всем теле.

Уставшие от дневных развлечений, мы поплелись назад, к моей маме.

На веранде пыхтел самовар, мама сидела, опершись подбородком на кулачок, и поджидала нас.

– Накувыркались? – По ее довольному лицу я поняла, что она полностью одобряла наше вполне летнее времяпрепровождение.

– Мамусик, я тебя обожаю. – Я обняла ее и прижалась лицом к ее пахнущим ромашкой волосам.

– Вот и слава богу. – Мама погладила меня по голове и тихонько, так чтобы слышала я одна, прошептала: «Знаешь, Олег очень интересный человек. Удивительно, что ты не заметила его раньше». Я склонилась к ее лицу и подмигнула ей, словно настоящий стопроцентный заговорщик. А она подмигнула мне в ответ.

Потом мы до глубокого вечера пили чай и никуда уже не торопились – этот день все равно пропал для любых житейских дел. Этот день был создан для отдыха – сейчас это было совершенно ясно! Замечательного, настоящего отдыха, который мы, завсегдатаи городов, так редко позволяем себе, и которым давно уже разучились правильно пользоваться.

Наутро, свежие и отдохнувшие, мы снова собрались за столом. Коля, наконец, осмелился, и спросил:

– Татьяна Петровна, а сегодня вы сможете мне, наконец, рассказать что-нибудь? – За столом сразу воцарилась тишина. Из летней и воздушной она сразу стала суховатой и деловой. Все вдруг вспомнили о том, что где-то их ждет огромная куча дел и сразу поскучнели. Мама ласково взглянула на Колю и почти пропела:

– Коленька, после завтрака я вся ваша хоть на весь день. Сегодня я абсолютно свободна. – От маминого голоса стало опять весело и легко, и тишина за столом опять превратилась в веселый щебет летних птиц.

Сразу после завтрака мы убрали со стола все лишнее, и Коля разложил на белой скатерти все необходимое.

– Татьяна Петровна, Лена мне сказала, что вы родились где-то далеко на Севере. И вы были знакомы с Машиной мамой, вроде как, она тоже оттуда же. Не могли бы вы мне рассказать, что и как.

Глава 6

Ночь вокруг была почти непроглядной. Огонь костра съел остатки предыдущей порции дров и стал маленьким и беспомощным, а звуки леса стали громче и ближе. Артем подбросил в костер сухого мха, и когда пламя занялось, подложил еще дров. Костер разгорелся с новой силой, и отблески пламени падали теперь намного дальше в окружающий лагерь лес. Так можно было разглядывать этот ночной лес прямо отсюда, не сходя с места.

Но Артему было этого мало. Он сидел у костра, и сон бежал от него, как зверь от огня. Ему хотелось, чтобы поскорее настал новый день, и чтобы он мог дальше и дальше идти по этой незнакомой земле, с головой погружаясь в неведомое. Он бы и сейчас с удовольствием не то что пошел, а понесся бы огромными скачками, как молодой леопард, по этому громадному неизвестному континенту. Звуки ночного леса не пугали его, наоборот, они были маняще близки. Артема так и подмывало встать и потихоньку отлучиться в лес, недалеко, совсем рядышком, чтобы заглянуть за кромку света, которую отбрасывало скудное пламя костра.

Была уже глубокая ночь, а он все сидел, снова и снова прислушиваясь к звукам ночного леса.

Все давно спали. Даже матроса, назначенного нести ночную вахту в их лагере, сморил глубокий неуставной сон. Артем не выдержал и решил обойти лагерь вокруг, чтобы посмотреть на лес хотя бы издали, не приближаясь к нему, поскольку это было строжайше запрещено.

Он, не теряя из виду спящих в лагере людей, медленно пошел по кругу. Вокруг лагеря росли исполинские пальмы и еще много других, по большей части, незнакомых ему деревьев. Вчера, улучив свободную минутку, Артем наконец засел за свой дневник. Он быстро описал все, что приключилось с ним за последние дни. Особо он описал все встреченные в лесу громадные деревья. Некоторые из них он знал. Даже помнил, как они называются по латыни. Но одно дело сухая латынь, а совсем другое, когда ты прикасаешься рукой к гигантскому, уходящему высоко в небо, стволу, с которого медленно стекает сок каких-то маслянистых растений.

Артем медленно двигался вдоль освещенного костром круга. Костер снова начал гаснуть и круг света сузился настолько, что Артем вынужден был вернуться и подбросить в костер новую порцию дров. Огонь опять выхватил из темноты причудливые очертания леса, и Артем продолжил свое путешествие вдоль импровизированной границы, назначенной ему светом костра. Наконец круг замкнулся, и юноша вернулся в исходную точку. Легкое разочарование отразилось на его лице, но никто не мог видеть этого, так как все давно спали сном, если и не очень спокойным, то достаточно глубоким. Дневной переход по жаркому и влажному лесу изрядно измотал людей.

Артем постоял несколько минут, прислушиваясь к лесу. Звуки были такими же, как и час, и год назад. Обитатели леса несколько не обращали внимания на непрошенных гостей и деловито вели свою ночную жизнь. Ухали и свистели на разные лады ночные птицы. Где-то громко, совсем не по – ночному, трещали ветки. Это, верно, хищный зверь волок в чащу свою добычу. В этой ночи было мало безмолвия, но и нового ничего здесь не происходило.

А человек все стоял и стоял, всматриваясь в темноту и словно ожидая чего-то. И верно говорят: покличешь черта, а уж он тут как тут. Неожиданно Артем услышал громкий шорох неподалеку в лесу, и после этого послышался непривычный для этой ночи звук – где-то очень близко от того места, где стоял Артем, застонал человек. Стон был явственный и довольно громкий. Артем прижался к дереву, замер и весь обратился в слух. Но шли минуты, и больше никаких стонов не было слышно. «Наверное, показалось», – глубоко вздохнув, подумал он. Но, не успел он расслабить непроизвольно напрягшиеся до предела мышцы и отойти от этого места и двух шагов, как вновь из лесу донесся тихий стон. Теперь он был похож на шелест ветра в ночной листве. Человек, если это был он, явно слабел. Артем снова насторожился и напря-

женно прислушивался. Звук снова исчез. Юноша вдруг испугался: «А вдруг это все мои фантазии? И никого там нет. А это только ночная гиена какая-нибудь смеется надо мной». Холодный пот облил его спину густой липкой струей. Он представил себе, как матросы исподтишка хохочут над ним. И когда он поворачивается к ним спиной, они показывают на него пальцами, сопровождая свои пантомимы всякими непристойными жестами. «Ладно бы гиена, – лихорадочно рассуждал он. – Гиена пускай себе хохочет. А если там действительно никого нет, то тут, брат, тебе такой конфуз может выйти, что ой-ёй-ёй!» Как назло в лесу снова раздался шорох травы и легкий, почти не различимый уже вздох. «Тьфу, ты, пропасть! – разозлился юноша. – Да что там такое дышит, а? Вот бесовское отродье!» Сомнения терзали его. А вдруг там правда кто-то есть, и этот кто-то ждет от него, Артема, помощи? А он тут стоит и рассуждает, нарушать ему приказы или нет.

В Артеме теперь словно поселились две разных сущности. Одна кричала ему: «Беги! Там кто-то зовет на помощь». А другая, холодная и рассудительная, увещевала: «Куда? В темный лес, один? Не положено! Дисциплина, брат, она для всех едина».

Прошло еще несколько минут, и вдруг снова из лесу послышался этот странный тихий стон. Он был уже едва различим, и в нем уже была обреченность, словно бы человек знал, что никто не придет ему на помощь в этом ночном темном лесу. Время неумолимо утекало, и теперь Артем уже не раздумывал. Конечно, приказ капитана не покидать лагерь в одиночку, а особенно в ночное время, никто бы не осмелился нарушить. Но сейчас обстоятельства требовали действия.

Юноша тихо вернулся к костру, выбрал толстую смолистую ветку и, ткнув ею в горящие угли, подождал, пока она займется пламенем. Вооружившись этим факелом, он справедливо рассудил, что никакой беды не случится, если он быстро и тихо проберется в лес и посмотрит, кто издает там такие странные звуки. Если это действительно лесной зверь, которому не спится в этот поздний час, то Артем так же тихо возвратится в лагерь, избежав и насмешек матросов, и нареканий капитана. Но если это не зверь, то... Эту мысль он уже не успел додумать, на ходу решив, что будет действовать по обстоятельствам.

Артем почти бежал, спотыкаясь об узловатые корни деревьев, вылезавшие из-под земли в самых неподходящих местах. Корни были похожи на ночные тени. Но только синяки на ногах от них оставались вполне ощутимые. Артем сейчас ничего этого не замечал. Факел у него над головой издавал совсем тусклый свет и нещадно чадил. И, если бы не огонь костра на поляне, где был устроен привал, то Артем неминуемо бы заблудился в этом бескрайнем незнакомом лесу. Но ему повезло. Через несколько десятков метров он со всего маху споткнулся о лежащего на земле человека и кубарем покатился в ближайшие кусты. Он больно ударился затылком о ближайший ствол дерева, но так и не выпустил из рук свой импровизированный факел. Перекувыркнувшись через голову целых два раза, словно жонглер в цирке, Артем моментально вскочил на ноги. Он поднял повыше факел, пытаясь разглядеть лежащего на траве человека и по инерции задал обыкновенный в таком случае вопрос: «Кто тут?» Человек, о которого он так неожиданно споткнулся, тихо застонал. В неверном мерцающем свете Артем разглядел юношу, почти мальчика, с очень смуглой блестящей кожей. Волосы у незнакомца были иссиня-черные и абсолютно прямые. Одет он был только в набедренную повязку, а на шее у него сверкало великое множество разноцветных бус – в стекляшках отражалось пламя факела. Несколько нитей этих бус порвалась, и стеклянный бисер теперь блестел в траве, словно слезинки или капли росы. Видимо человек из последних сил пытался ползти на свет далекого костра, горящего на поляне, который в ночном лесу был виден на несколько десятков метров, словно огонь маяка в пустынном море. В следующую секунду произошло то, чего Артем ожидал меньше всего. Человек, видимо, собрав последние силы, поднял голову и почти на чистом русском языке сказал только одно слово: «Помогите». После этого он уронил голову на траву и впал в полное беспамятство.

Артем от неожиданности выронил факел. «Что за чертовщина! Этого не может быть!» Мысли носились в его голове со скоростью молний. Но ничего путного в ближайшие минуты он так и не придумал. А драгоценное время шло. Артем наконец сообразил, что человек, которого он так внезапно нашел в лесу, по всей видимости, ранен. Иначе чего бы это он разлегся здесь посреди ночного леса? Неужели только ради удовольствия постонать на радость всем гиенам и шакалам, живущим в этих краях! Факел догорал во влажной от росы траве, отбрасывая вокруг себя тусклые блики. Но все же, именно благодаря этому слабеющему огоньку на поляне было немного светлее, чем в лесу. Артем рассудил, что теперь факел ему уже не пригодится – сквозь деревья огонь костра был хорошо заметен. Да и нести на плечах раненого человека, держа в одной руке факел, было несподручно. Артем примерился, намереваясь взвалить свою находку себе на плечи, но какое-то быстрое, почти неуловимое глазом движение в темноте насторожило его. Он резко выпрямился, и это было как раз вовремя. Прямо перед ним, на расстоянии нескольких метров, стоял леопард. Видимо, он наблюдал за Артемом, прячась в густой тени ночи. И теперь, поняв, что этот человек ему не опасен, леопард вышел на поляну. Шкура его выделялась светлым пятном на фоне черного леса. Свет факела еще теплился в росистой траве. Артем только теперь пожалел о том, что так непредусмотрительно бросил факел – свою единственную защиту посреди этой длинной и небезопасной ночи. Зверь стоял напротив Артема совершенно беззвучно, только мышцы на его мощных передних лапах заметно шевелились под светлой пятнистой шкурой. Все это Артем отмечал автоматически, даже не задумываясь – на это у него просто не было времени. «К прыжку готовится», – мелькнула у Артема запоздалая мысль. Он который раз уже за эту ночь лихорадочно соображал, пытаясь найти короткое и правильное решение проблемы. Но зверь времени ему для этого не оставил. Он просто прыгнул. Артем сделал единственно верное движение, которое на протяжении столетий до него делали миллионы мужчин-охотников, мужчин-добытчиков – он резко, почти машинально выхватил из-за пояса длинный испанский кинжал, присел и буквально поймал грудную клетку зверя этим кинжалом. Леопард всей своей тяжестью упал сверху на человека, и они вместе повалились в траву. Кинжал ушел в мягкое тело зверя почти по самую рукоять. Через секунду все было кончено.

Артем не знал, сколько времени он пролежал на траве, пытаясь прийти в себя и собираясь с силами.

Когда силы вновь вернулись в его переставшее, наконец, дрожать крупной дрожью, ослабевшее тело, он освободился от лежащего на нем тяжеленного леопарда и сел. «Ты смотри, господь уберег», – подумал он, разглядывая в темноте бездыханное тело зверя.

– Повезло, так повезло, – сказал он вслух и троекратно перекрестился, вполголоса вознеся благодарственную молитву Пресвятой Богородице и всем святым апостолам, кого только смог вспомнить.

Еще немного передохнув, он взвалил себе на спину так и не пришедшего в себя за все это время темнокожего юношу и, пошатываясь от тяжести ноши, пошел в сторону лагеря.

Поход назад занял не меньше получаса. Но спасительный свет костра вывел Артема точно к лагерю. Он отсутствовал, по-видимому, около часа, и за это время матрос, уснувший во время ночной вахты, был разбужен зверским шепотом Караганова: «Что же это ты, братец, так дерьмово вахту несешь? А?» Матрос подскочил от неожиданности, спросонок пытаясь сообразить, на каком он сейчас свете. Но Караганов, понимая, что дневной переход совсем не сахар для непривычных к тропическому климату людей, махнул на него рукой и пошел вокруг лагеря, проверить, что и как.

Артем показался из-за ближайшей к лагерю пальмы как раз в тот момент, когда Караганов заканчивал свой ночной обход.

– Тьфу, ты, опять без приключений не обошелся! – В тихом голосе Караганова одновременно читались досада и любопытство. – Ты, Артемий Кузьмич, доколе по ночам будешь

шляться и всякую гадость в лагерь тащить, – сказал Караганов ворчливо, принимая из рук Артема впавшего в беспамятство человека. Они вдвоем быстро устроили для раненого лежанку около костра, и только после этого Артем, отдышавшись, смог ответить старшему товарищу.

– Я, Сергей Викторович, вам потом все объясню. Этот человек, по-видимому, ранен леопардом. Он стонал там, в лесу, вот я его и принес, – тихо сказал ему Артем.

– А откуда знаешь, что леопардом? В этом лесу зверья ночного тыща с хвостиком водится! – Караганов вопросительно посмотрел на Артема, но тот в ответ только отвел глаза. Так они просидели минут десять. Караганов налил из фляги воды в котелок, подбросил в костер хвороста и стал готовить какое-то варево из порошков и сухих травок, которые он выудил из своего вещмешка. – Надо раненому лекарство соорудить. Не зря же ты его из лесу приволок. Жалко будет, если помрет. Будем лечить! – шепотом завершил он свой монолог.

Артем медлил, соображая, говорить или нет о своем странном открытии, но все же решился:

– А еще он по нашему говорит.

Караганов перестал помешивать варево в котелке и недоверчиво глянул на Артема:

– Бросьте, Артемий Кузьмич, ночью в этом лесу и не такое может послышаться. – Но препираться больше не стал, а быстро и толково обследовал незнакомого юношу. – Да, брат, у него на спине серьезные раны. Видимо, от зверя ему хорошо досталось. – Караганов споро и очень профессионально перебинтовал раненого и удобнее устроил его поближе к костру. – Сейчас его от болезни лихорадить начнет, так что ему тепло необходимо, – тихо сказал Караганов, – жаль, одеял нету. Ему бы теперь в самый раз.

Как бы тихо они не старались себя вести, но почти весь лагерь уже успел проснуться от необычной возни и шума, производимого во время этих процедур. Матросы терли глаза и шептались, кивая на темнокожего человека. «Ишь, ты, антихрист какой. Черный весь, как сажа. Чудны твои дела, господи».

Закончив устраивать гостя на ночлег около костра, Караганов прикрикнул на проснувшихся матросов, и те, понемногу успокоившись, разбрелись по поляне и снова растянулись на мягкой траве – кто где. Через полчаса их громкий храп снова оглашал окрестности, приводя в недоумение от незнакомых звуков ночных обитателей леса. Матросов можно было понять. За время долгих морских походов жизнь кидала их чуть не в пасть к самому сатане, они еще и не такое видели! А вот отдых в их жизни был редкой драгоценностью. Когда еще удастся всласть выспаться, развалясь на пушистой траве, а не в тесном корабельном гамаке, который бесконечно раскачивается под монотонный шум океанских волн.

Артем прилег около костра и, наконец, тоже уснул, сполна удовлетворив на сегодняшнюю ночь свою жажду необыкновенных приключений.

Глава 7

– Итак, Татьяна Петровна, я слышал, вы родились где-то на Севере.

– Да, Коля. Родина моя называется деревня Кишма. Это там, где течет большая река Ангара и есть у нее много маленьких и совсем маленьких притоков. А один называется Алталук, что на местном наречии означает «Золотая речка», – уточнила моя мама. – Далековато отсюда, правда? – И моя мама загадочно улыбнулась.

– Да, неблизко. – Коля записал все услышанное и приготовился к пространному рассказу. Но его ожидания не оправдались.

– Значит так, родилась я в 1934 году. В школу пошла там же. После школы поработала пару лет в нашем сельсовете секретарем, а потом мой отец решил, что надо нам перебраться на большую землю, и мы переехали в Москву. Здесь я закончила институт. Педагогический. Вышла замуж, родила Лену. Всю жизнь проработала в одной школе, учителем начальных классов. Теперь, вот, на пенсии. Редиску сажаю. – Мама замолчала и удовлетворенно вздохнула. Коля все записал и поднял голову.

– И это все? – разочарованно спросил он.

– Все, – скромно сказала моя мама.

– Да. И здесь негусто. – Коля подумал еще около минуты. Я уже стала привыкать к тому, что он, прежде чем что-то спросить или сказать, всегда довольно долго о чем-то думает. А может, просто делает вид. Для солидности.

Но тут Коля задал вопрос, который все же свидетельствовал о том, что думать Коля умеет.

– Скажите, Татьяна Петровна, а тот факт, что вы и мама Лениной подруги, Маши, родились в одном и том же далеком поселке Кишма вас нестораживает?

Мама спокойно посмотрела на Колю.

– Во-первых, Маша, конечно, Лене подруга, но она же нам еще и родственница. А во-вторых, почему это меня должностораживать? – так же спокойно спросила она.

– А потому, – в тон ей ответил Коля, – что стиральные машинки крадут только у членов вашей семьи, которые, как выясняется, имеют к вашему прошлому прямое отношение. – Коля был строг как никогда. Но моя мама была по-прежнему абсолютно безмятежна.

– Понимаете, Коленька, этот факт, на мой взгляд, вас, как следователя, конечно, мог бы очень заинтересовать. Но у меня для вас никакой дополнительной информации по этому вопросу нет.

Коля снова скис. Еще через пять минут размышлений он решил, что продолжать дальнейшие расспросы бессмысленно. Мама подсластила ему пилюлю.

– Коля, не расстраивайтесь. Да бог с ними, с этими машинками. Они же и не очень новые уже. Я думаю, надо действительно сменить нам всем бытовую технику и просто начать новую жизнь. Вон, берите пример с Олега. Он уже Лене машинку-то поменял. А чем Маша хуже, а? – При этих маминых словах Коля как-то подозрительно застенялся и стушевался вовсе, когда мы все стали наперебой предлагать ему забыть про эти дурацкие машинки, а лучше съесть еще пирога со смородиной, своевременно принесенного тетей Ниной к нашему завтраку взамен уже съеденного пирога с малиной.

– Коля, а хотите, мы все свои заявления обратно заберем, а? Ну, правда, фиг с ним, с этим металлоломом. Такое утро замечательное. Сейчас пирогов с чаем поедим, а потом будем песни петь. Народные. Знаете, как моя мама умеет песни петь!

И все так и было. Мы пили чай с пирогами. Пели народные песни. Гуляли по деревне, и просто замечательно проводили время. А потом, уже когда на небе всю горели яркие звезды, Коля и Олег отвезли нас с Машкой домой, в Москву. Пора было и честь знать. Тем более, что

у меня завтра была следующая репетиция, а я за эти два дня только и делала, что пила чай с пирогами, да плескалась в ледяной реке под дружное улюлюканье меня самой и моих друзей.

Олег проводил меня до двери моей квартиры, и мы все стояли и стояли, и нам совсем не хотелось расходиться по домам.

– А знаете что, Лена, давайте завтра сходим в ресторан. Как вам моя мысль? – Вдруг предложил Олег.

– Мысль замечательная. Только у меня завтра снова репетиция, и, боюсь, что если сходить в ресторан прямо с раннего утра, то потом я слабо буду разбираться в рояльных клавишах. А после репетиции у меня уже не будет никаких сил, и значит, удовольствие все пройдет мимо.

– А никаких проблем, – обрадовался Олег. – Тогда мы все перенесем на послезавтра, никакой репетиции, а только сплошные удовольствия. Согласны?

– Ладно, – согласилась я, – удовольствия так удовольствия.

И мы, наконец, расстались.

Завтра пролетело как один миг. Накануне я весь остаток вечера прилежно просидела за роялем, шлифуя моего Шостаковича до неопишуемого блеска.

Я легла в одиннадцать, проснулась в семь, прекрасно выспалась, плотно позавтракала и поехала на репетицию. Я играла блестяще. Я упивалась звуками. Когда все закончилось, я, очень довольная собой, гордо взглянула на оркестрантов и стала складывать ноты.

Когда зал опустел, мой замечательный гениальный дирижер подошел ко мне, немного пожевал губами – это он обычно так тянул время, и сказал:

– М-да, м-да. Милочка, как бы вам это помягче сказать. В общем, сегодня вы были не совсем на высоте. Ваш Шостакович звучал как-то суховато, без лоска. Хочется больше красок. Вы меня понимаете? – Я обалдело кивнула. Дирижер сочувственно глянул на меня и продолжил: – Видимо, вы мало спали – вон какая бледненькая. – И он участливо покивал головой. – Ну, ничего, ничего. Я в вас верю. Вы обязательно справитесь. Только я вас умоляю – отдохайте побольше! Вы, когда хорошо отдохнете, играете просто божественно, просто само совершенство.

Я поехала домой и сразу легла спать.

На следующий день Олег зашел за мной около семи часов вечера, как мы и договаривались. Я была готова: в полной боевой раскраске и вечернем платье я была неотразима. И на этот раз никакой дирижер не смог бы меня в этом разубедить.

Олег выбрал маленький китайский ресторанчик. Обожаю восточную кухню! Мне все равно, что есть: суши или мясо в кисло-сладком соусе. Но это фантастически вкусно!

И еще в таких ресторанчиках всегда есть одно преимущество перед другими – в них нет музыки. Вернее, не то чтобы совсем нет, есть какие-то булькающие и мурлыкающие звуки, от которых хочется иногда впасть в транс. Но зато там нет этих жутких бахающих звуков, которые современные мне люди почему-то называют музыкой. Какая же это музыка? Музыка – это красивая мелодия, а здесь только дикий грохот безумных ритмов. Понимаете разницу? Голый облезлый ритм. И все!

В ресторанчике был красноватый полумрак. Это происходило оттого, что вокруг нас были только традиционные китайские красные фонари. Мне это очень понравилось. Здесь было спокойно и умиротворенно, как и повсюду на настоящем Востоке. Сейчас много подделок, но этот Восток, похоже, был настоящим. Узкоглазые и темноволосые официанты знали по-русски только два слова: спасибо и пожалуйста. Причем произносили они это на свой, восточный, манер, и я сначала вообще не поняла, чего они от меня хотят. Зато их «сасиба» и «сазаласта» звучали примерно каждые десять секунд. А я очень ценю в официантах именно вежливость. Это же лицо конторы! А еще улыбка официанта сильно отражается на его чаевых.

Чтобы заказать себе что-нибудь съедобное, надо было просто ткнуть пальцем в предложенное меню. Что касается скорости исполнения заказа, то здесь Восток оказался на недося-

гаемой высоте. Блюда появлялись перед нами со скоростью изготовления фаст-фуда, дымящиеся и вкусно пахнущие, на блестящих тарелочках под блестящими крышечками. И при этом все подряд официанты не забывали мне вышколенно улыбаться. Мне даже показалось, что их улыбки были искренними. Не то что в каком-нибудь мак-дональдсе. Там улыбки выдрессированы годами обучения у профессиональных стервозных менеджеров. Но, черт возьми, это все равно приятней неулыбчивого совкового общепита.

Мы заказали целую кучу всякой восточной всячины и наслаждались пищей долго и со знанием дела. Мы болтали обо всем на свете – сначала, как водится, о погоде. Потом об изменчивости моды. И здесь Олег неожиданно оказался докой. Я уже почти забыла о том, что он археолог. А археологи, оказывается, уделяют большое значение тому, во что одевались наши свежераскопанные предки. Из этой информации, к моему крайнему изумлению, они извлекают много далекоидущих гипотез. Может, конечно, и не все археологи разбираются в моде, но Олег как раз был таким экземпляром. Мода была его коньком, а для меня, как для вполне нормальной женщины, эта тема была неиссякаемой и вечной. Мы проговорили часа три – и когда сидели в ресторане, и когда шли домой, и даже когда стояли около моей квартиры. Олег все рассказывал и рассказывал мне о своих замечательных находках и умозаключениях, которые из них следовали. Я слушала его, открыв рот, и думала: «И такой золотой мужик жил у меня буквально над головой, а я ничегошеньки об этом не знала». И это открытие было моей самой главной археологической находкой.

В первом часу ночи мы, наконец, расстались, пообещав друг другу, что назавтра обязательно созвонимся. Я легла спать абсолютно счастливой. Наверное, когда в человеке есть предчувствие любви, то это всегда делает его счастливым. У меня даже походка изменилась, я теперь не ходила по земле, а ступала по ней легко и почти воздушно. А голова моя была заполнена дивной музыкой сфер, ангелы пели мне свои гимны, а сама я теперь могла дни напролет проводить за роялем, сочиняя невероятной красоты мелодии, которые и записывала мгновенно в свою нотную тетрадь.

Говорят, свои лучшие стихи Пушкин написал, когда был влюблен. А поскольку он был влюблен практически постоянно, то и стихи у него всегда были просто супер! Видимо, я понемногу двигалась в том же направлении. Олег мне нравился все больше и больше, пока я, наконец, не осознала, что влюбилась в него по уши.

Мы теперь гуляли по вечерам каждый день. Лето было замечательным, в меру теплым и почти без дождей. Я видела, что и моя персона Олегу отнюдь не противна, и это обстоятельство радовало меня, как давно уже ничто не радовало в этом мире. Так прошло около двух недель. Машку я категорически забросила, и она, разобиженная, даже не звонила мне.

В один из таких дней Олег сказал мне, что пытался дозвониться до Кольки, а абонент почему-то оказался недоступен. И это продолжается уже третий день.

– Слушай, может, ты знаешь, куда они все подевались? – Я задумалась и честно созналась Олегу, что тоже понятия об это не имею.

– А давай Машке позвоним! Она-то наверняка знает, куда он подевался. – Олег заглянул мне в глаза и чмокнул меня в кончик носа – наши отношения зашли уже в ту стадию, когда кончик носа – это самое безобидное место, в которое я позволяла ему себя чмокать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.